ПИОНЕР

П 29
34

8

Изд. ЦК ВКП(б) „ПРАВДА" 1934

В борьбе за рабочее дело будь готов!

ПИОНЕР

№ 8

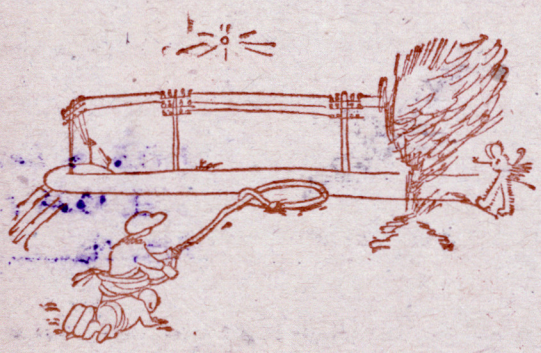
Орган ЦБ детской коммунистической организации им. Ленина при ЦК ВЛКСМ
Адр. ред.: ул. Горького, 8, тел. 5-10-76.

Апрель 1934

Как Тут-Итам перехитрил лодырей

(Продолжение)

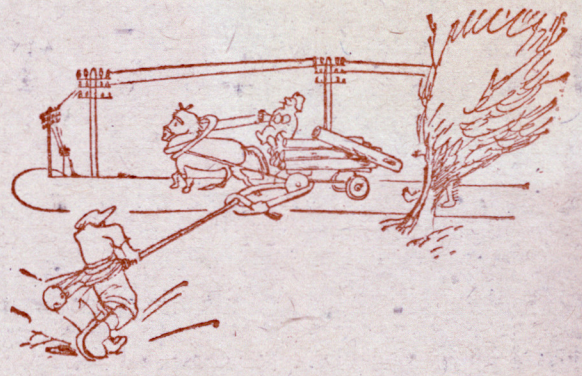
Рисунки А. Каневского



1) Спасаясь от настигающего их Тут-Итама, приятели решили устроить засаду с таким хитрым расчетом, чтобы Тут-Итам обязательно попал в разложенную на дороге мертвую петлю.

— Сейчас он будет в наших руках, — злорадно сказал Яша Мамелюк Сене Чувильчикову.

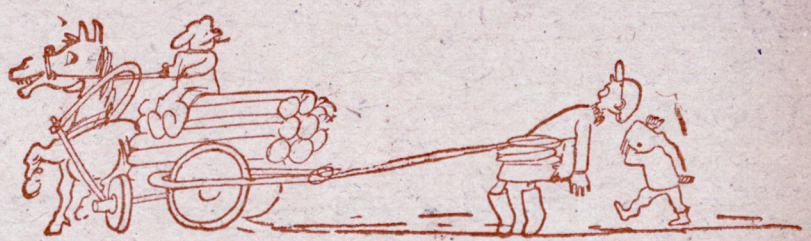
Тут-Итам шел, казалось, к верной гибели.

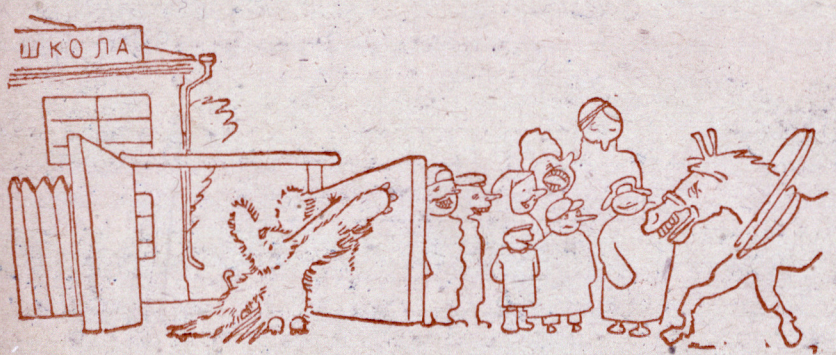


2) Однако, добродушный Тут-Итам оказался хитрее, чем думали приятели. Он вежливо пропустил вперед воз с дровами для школы, а сам, как видите, остался за деревом, чтобы посмотреть, что случится.

3) Зоркий Тут-Итам своевременно заметил мертвую петлю, и случилось именно то, что здесь нарисовано. Яша Чувильчиков не рассчитав свои силы, слишком крепко обмотал конец веревки вокруг себя самого.

Увидя упирающегося Яшу, возница, который вез в школу дрова, попытался остановить лошадь. Но куда там? Лошадь, заметив сзади приятелей, от испуга побежала рысью. Яша, как видите, упирается изо всех сил, но куда же бедному лодырю состязаться в силе с лошадью.



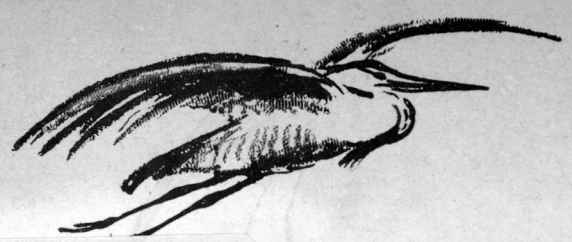


4) Слухи о лодырях, которых за лошадью ведут в школу, разнеслись по городу. На тротуарах столпилось столько людей, что не было никакой возможности нарисовать всех их на этом рисунке.

— Ура, лодырям! — с насмешкой кричали люди с тротуаров и махали руками. Две глухие старушки, не разобравшись в чем дело, заинтересовались, по скольку лодырей будут выдавать на талон.

Сеня Чувильчиков и Яша Мамелюк, услышав этот разговор, от страха сжежились и не вышли на картинке. Но в самую страшную минуту ворота школы отворились, и за ними показался добродушный Тут-Итам.

5) Ошеломленные лодыри покорно вошли за Тут-Итамом в двери родной ФЗД.



загадки

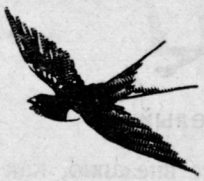
ия.

П 29
34

птичьих

стриж.

перелетов



ласточка.

Г.П.Б. в Лнгр.
Ц. 1934 г.
Акт. №470

Виталий Бианки
Рис В. Губина

Перелетные птицы каждую весну являются к нам и каждую осень исчезают. К этому все привыкли. Ну, порадуются, узнав из газет, что прилетели грачи: весна, значит, началась. Ну, там, скворец у скворечни, жаворонок над проталинкой запел — приятно. Кукушку послушать, песню соловья. На то весна. Как же им не прилетать и не петь? Привычно это и как будто, значит, понятно.

грач.

В конце лета незаметно смолкнут птицы, их уже не слышно, не видно. Ну, значит, улетели. Куда? Известно: на юг, в теплые края. Зачем? Так ведь холодно же у нас, а там тепло. Чего же им не лететь? Крылья есть.

А правда, холод ли гонит от нас птиц осенью? Тепло ли привлекает весной?

Или, может быть, пища? Или горячая любовь к родине заставляет птиц ранней весной, когда еще стужи у нас и вьюги, покидать благодатный климат юга, его обильный стол?

Спросишь любого образованного человека: что заставляет птиц совершать перелеты весной и осенью?

кукушка.

— Инстинкт, — ответит каждый образованный человек.—Унаследованная поколениями привычка.

— А откуда же у птиц эта самая удивительная привычка—инстинкт?

Живет, скажем, у нас парочка стрижей. Лето. Много мух, комаров. Есть чем пропитаться самим и птенцов своих накормить досыта. Ясно: незачем от нас улетать стрижам.

Подошла осень, холода настали, насекомых летает все меньше и меньше в воздухе. Птенцы выросли, летают прекрасно. Пора, значит, всей семьей выметаться туда, где потеплей и пищи много.

Так ведь и улетают стрижи от нас осенью?

Нет. Они улетают еще летом, гораздо раньше чем наступят холода и голод. Ничто их от нас в это время еще не гонит.

А что гонит от нас кукушку, которая отправляется в свое путешествие чуть не в середине лета?

Погода, может, ей не нравится? Чуть жары стали, так и до свиданья?

А зачем ей тогда прилетать так рано, когда у нас еще холодные утренники? Дождалась бы жары. Рассовать свои яйца по чужим гнездам долго ли ей? Какая-нибудь неделя, другая—и готово.

На сеьере нашем живет странная птица—тупик, или топорик. Большой клюв ее стиснут с боков и покрыт роговым чехлом. Чехол яркокрасного, серостального и жолтого цветов. Получается, точно на нос птицы надет ярко расписанный дурацкий колпак или будто нос у нее топориком, отсюда и название птицы.

Топорики — чисто морские птицы. Бóльшую часть времени они проводят на воде и отлично ныряют. Просто будто летают под водой, быстро разрезая воду крыльями. Крылья у них короткие, острые, вроде их носов, но и по воздуху здорово носят топориков. Тупики—тоже перелетные птицы. Осенью они исчезают с островов на всю зиму.

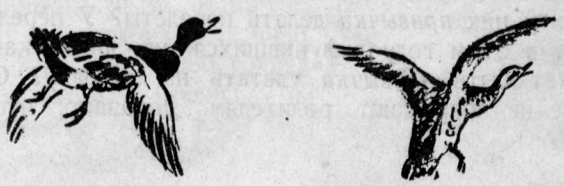
И вот что удивительно: какая бы ни была весна: теплая или холодная — на местах своих гнездовий тупики появляются ежегодно день в день. Точно их сзывает кто колоколом. И осенью, год от году, мороз или холод, буря или тихо, день в день, исчезают со скал, где гнездились. Как по календарю.

Видно, не в том дело, какая стоит погода и довольно ли сейчас пищи кругом: другое что-то заставляет птиц улетать от нас осенью.

Или вот еще пример.

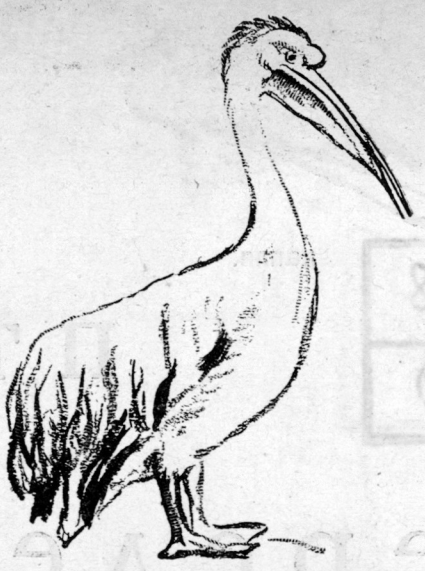
Придешь осенью в предзакатный час на птичий двор. Домашняя птица всем довольна в это время. Утки лениво ковыляют из пруда. Они плотно наелись за день и теперь отправляются на покой. Куры неуклюже взлетают на насесты, встряхиваются, устраиваются спать.

Вдруг—с утками истерика. Они все сразу поднимаются на лапки, кричат, машут крыльями. Свесив тяжелый от жира зад, трудно поднимаются в воздух, летят... Но шея сама опускается книзу, отвыкшие крылья устают бить по воздуху, и утки тяжело плюхаются на землю.



кряквы.

аист белый.

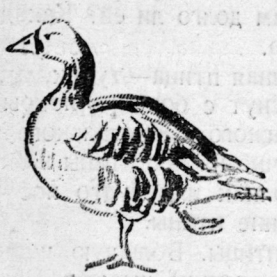


пеликан.

Истерика кончается так же внезапно, как началась. Прекращаются крик и хлопанье крыльями. Как ни в чем не бывало утки ковыляют дальше по двору.

Куры во всем этом не принимают никакого участия, — остаются совершенно спокойными.

Что же такое с утками?



гусь дикий.

Очень просто: дикие утки тронулись в отлет, и домашним тоже хочется.

Та же сцена повторяется на птичьем дворе весной, когда дикие утки отправляются в обратное путешествие.

Дикие куры, тетерева, рябчики, куропатки—те ни весной, ни осенью никуда не улетают. Где родились, там всю жизнь и проводят. Ясно, что и домашних кур никуда не тянет.

Десять тысяч лет дворовые утки живут на всем готовом: круглый год едят досыта и живут в тепле. За десять тысяч лет от большинства их диких привычек не осталось и следа. Пусти их на волю, туда, где кряква живет, они живо погибнут. Корма себе не найдут и от хищников не сумеют уберечься. Ведь даже летать они разучились. Крылья им просто стали ненужны, и дворовые утки забыли о них.

утка-мандаринка.

Отчего же два раза в год: весной и осенью—они вдруг вспоминают о своих крыльях? Что толкает их лететь от сытой, довольной жизни куда-то далеко, где они никогда не были и где ждут их тысячи неожиданных опасностей?

Тут загадки, над которыми стоит задуматься.

загадка первая: что толкает птиц лететь, если ни голод, ни холод им сейчас не угрожают?

Вот стриж: он улетает от нас задолго до того, как начнут исчезать летающие насекомые—его пища.

Вот северная птица, топорик: он—какая бы ни была погода—всегда прилетает и улетает в один и тот же календарный срок.

Вот домашние утки, десять тысяч лет живущие на иждивении у человека. Они отучились даже летать. И все-таки они рвутся куда-то вместе с дикими утками.

Чем это об'яснить?

Понять действия животных обычно мешает нам то, что мы невольно приписываем им человеческий ум. Но молодой стриж не может *предвидеть*, что скоро на его родине исчезнут летучие насекомые. У топориков нет календаря. Домашние утки не отдают себе отчета, куда и зачем лететь.

В таком случае что же ими руководит?

Привычка.

Смешно: домашние утки выросли на дворе и никогда не бывали за его забором. Какая же может быть у них *привычка* делать перелеты? У перелетных, в этом году вылупившихся из яйца, какая может быть *привычка* улетать на зимовку? Они даже не подражают родителям. Доказано, что у многих птиц молодые улетают раньше своих родителей.

тупик.

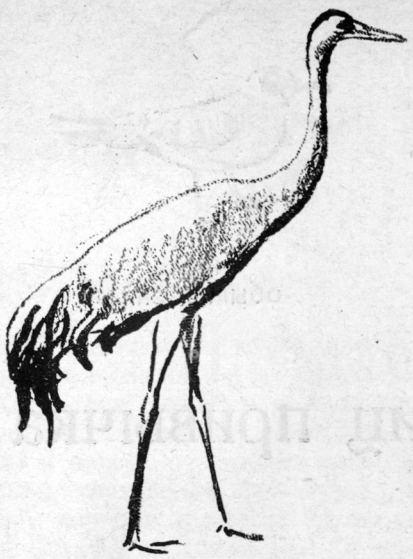
И все-таки — привычка. Не та, что позволяет нам, совершенно о том не думая, тянуться за носовым платком в правый карман брюк, если мы с детства кладем его именно в правый карман. Другая привычка, из тех, о которых мы говорим «вошла в плоть и кровь». Та «привычка», что без участия сознания передается из поколения в поколение.

Как же привычка к перелетам попадает в кровь птиц? Должно же быть в их теле какое-то «бюро путешествий», которое дает им «билет»—толчок для начала странствования — и «маршрут», куда и какой дорогой направляться.

Такое «бюро путешествий» на самом деле имеется в теле птиц. Это открытие сделали германские ученые в самые последние годы.

Они нашли особую железу у перелетных птиц. Взяли из нее вытяжку. Весной, когда прилетели птицы, устроили себе гнезда и сели высиживать птенцов, ученые поймали этих птиц и впрыснули им вытяжку в кровь. Потом птиц выпустили.

И получилась удивительная вещь: птицы бросили



серый журавль.

лебедь-шипун.

свои гнезда, яйца и помчались туда, откуда только что прилетели,—на юг.

Вытяжку-то ученые взяли осенью, в то время когда птицы летели на юг. Туда птиц и потянуло, хотя дело было весной.

Открытие замечательное. Оно доказывает прежде всего, что перелетные отправляются в свои путешествия совершенно бессознательно. Понятно теперь, почему домашние утки впадают в истерику в перелетное время. Понятно так же, почему некоторые певчие птицы, если до осени задержатся с гнездованием, покидают вдруг своих птенцов на голодную смерть и улетают на зимовку.

черная казарка.

Весной и осенью железа выливает в кровь птиц особое вещество, которое заставляет их сниматься с насиженных мест и лететь на родину или на зимовку. Вот что открыто и проверено опытом.

Наука добилась ответа на первую загадку, нашла, что именно толкает птиц делать перелеты.

Однако это еще не об'яснение. Возникают новые вопросы.

Отчего одна и та же железа осенью вырабатывает в птичьей крови тягу на юг, к местам зимовок, а весной — на север, на родину? И что, какие обстоятельства, какие условия жизни выработали в теле перелетных эту особенную железу—железу, которой нет у оседлых птиц? В теле перелетных эта железа могла выработаться только от привычки делать перелет.

Откуда же в крови у многих птиц привычка к перелетам? Из особой железы. А железа откуда? От привычек к перелетам. Вот так чепуха получается!

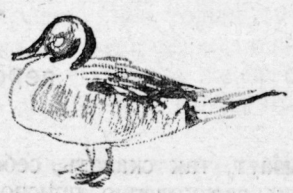
белощекая казарка.

Большинство даже оседлых птиц зимой бродяжит, кочует. Это понятно: пищу зимой трудней находить чем летом. Птицам приходится все дальше и дальше откочевывать от того места, где летом они жили оседло, у своих гнезд.

Чем севернее местность и, значит, чем суровей в ней зима, тем больше там перелетных и кочующих птиц. Чем южнее, тем больше там птиц оседлых, меньше кочующих и перелетных. Вороны и галки у нас, на севере, — перелетные птицы, исчезающие на всю зиму. Южнее полярного круга вороны и галки — кочующие птицы. Те вороны, что бывают у нас, скажем, в Ленинграде, зимой, прикочевали сюда с севера. Вороны, выводившие здесь птенцов летом, откочевали дальше, к югу, и снова прибудут в Ленинград ранней весной. В средней части РСФСР вороны и галки живут оседло.

В жарком поясе нет своих перелетных птиц, только северные прилетают туда осенью и улетают весной.

В таком случае вот, может быть, и разрешение вопроса: перелеты—это просто большие кочевки птиц. Чем дальше к северу живет птица, тем дальше приходится ей откочевывать зимой в поисках пищи.

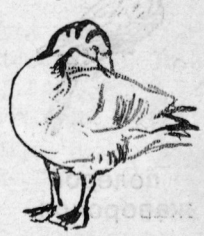


шилохвост.

нырок.

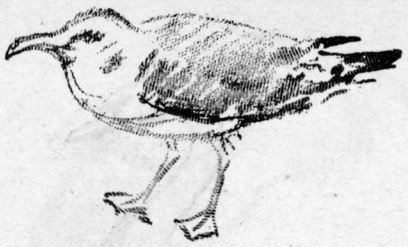
И на самом деле, перелеты некоторых живущих у нас на севере птиц: чижей, щеглов, овсянок, ворон, галок, грачей — представляют собой просто далекие откочевки. Каждый год наступает осенью холод, начинает падать снег, замерзают реки, бушуют вьюги, и каждый год птицы вынуждены отступать к югу. Так продолжаются сотни, тысячи лет, и привычка к далеким откочевкам «входит в плоть и кровь» этих птиц.

Так можно об'яснить себе небольшие сравнительно перелеты некоторых птиц. А вот красивая желто-коричневая овсяночка—дубровник, осенью летит почему-то из средней части РСФСР на восток, а не на юг, где бы, наверное, скорей нашла себе подходящие для зимовки места. И зимует дубровник, проделав длиннейший путь через Западную и Восточную Сибирь и Китай, в Индии.



гусь горный.

Почему же он не летит от нас прямо в Индию?



чайка-хохотунья.

белолобая казарка.

чайка обыкновенная.

загадка вторая: откуда у птиц привычка к перелетам?

Амурский кобчик гнездится в Восточной Сибири, а зимовать летит через всю Азию, через Индийский океан в Южную Африку. Зачем? Ведь по дороге он минует громадные области, где прекрасно мог бы пропитаться зиму.

Наконец, некоторые кулики (ржанки) с севера Сибири, а из Западной Европы лысуха летят на зиму в Австралию. Они пересекают весь жаркий пояс, где находит себе приют на зиму такое множество северных птиц.

Простой кочевкой тут ничего себе не об'яснишь. Дело тут посложнее. Но распутать его можно.

Каждый вид животных, появившийся в какой-нибудь точке земного шара, начинает заселять все больше и

коростель.

перепел.

больше места, завоевывает, так сказать, себе все новые земли. Птицы, так великолепно приспособленные к быстрому передвижению, расселяются скорей других животных. Некоторые с каждым десятилетием заметно увеличивают область своего распространения.

щегол.

Вот если учесть это постепенное завоевание птицами новых земель, то понятными станут нелепые на первый взгляд маршруты перелетов таких птиц, как дубровник, амурский кобчик, лысуха. Очевидно, птицы эти осенью улетают той дорогой, которой прилетели весной. Они постепенно, год от году, расширяют свою гнездовую область и так, незаметно, удлиняют свой перелетный путь.

полевой жаворонок.

Другими словами, весенние перелетные пути этих птиц—это пути их постепенного, медленного расселения. Осенние пути—пути их возвращения в места первоначальной родины, родины их предков.

Перелетные пути этих птиц рассказывают нам в сокращенном виде историю расселения каждой.

И опять, из поколения в поколение, сотнями, тысячами лет привычка к таким перелетам всасывается в кровь и в плоть птиц.

Сотнями, тысячами, десятками и сотнями тысяч лет—вот в этом-то все и дело. Забыв об этом, ничего не

чибис.

вальдшнеп.

поймешь в такой сложной и хитрой штуке, как сезонные перелеты птиц.

Как иначе понять такую, например, нелепость в перелетах некоторых птиц, летящих вдоль морских берегов: следуя берегом Немецкого моря, они ни с того ни с сего перелетают через пролив Па-де-Калэ в Англию и, обогнув ее берегом Атлантического океана, летят назад, на материк, через Англию и пролив Ламанш. А здесь в это время свирепствуют страшные бури и птицы тысячами гибнут в проливах.

Что может заставить птиц лететь через опасные проливы, когда они спокойно могли бы лететь вдоль берега материка?

Только закоренелая, слепая привычка.

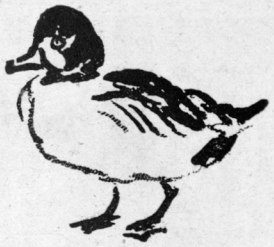
Геологи[1] доказали, что в далекие времена проливов между материком и Англией не было. Этот остров составлял прежде целое с материком.

Много тысяч лет назад море прорвало сушу, образовало пролив. Но птицы в те времена уже наладились летать старым берегом моря. Теперь бы им изменить свой путь—лететь новым берегом. Нет, они не могут: привычка. И хоть гибнет их половина, летят старым своим путем, слепо повинуясь привычке.

Геология, изучая историю земной поверхности, проливает свет и на историю многих животных. Эта на-

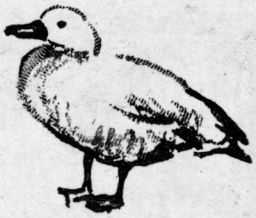
выпь.

[1] Ученые, изучающие земную кору и ее историю.



гоголь-нырок.

чернеть хохлатая.



огарь.

ука многое может об'яснить в жизни тех видов животных, которые живут и в наше время.

Когда-то в Европе и в Азии до самого полярного круга был прекрасный, ровный и теплый климат. Не было и намека на суровые наши зимы. Всюду росли пальмы, тропические смоковницы, камфарное дерево, лавр и мирты, и кипарис, и другие вечнозеленые растения. Остатки их сохранились в земле до нашего времени. С остатками растений найдены и кости животных того времени.

Больше половины найденных тут учеными птиц того времени очень близки к тем, что живут здесь и сейчас. Но были здесь найдены также кости и других видов, которые также живут только на юге: попугаев, розового гуся—фламинго, ибисов.

Потом температура стала понемногу падать и падать, пока, наконец, не наступила так называемая *ледниковая эпоха*. Камни, обточенные льдом, царапины и шрамы на груди земли—вот страшные следы того времени. Из Шотландии и из Норвегии надвинулись на Англию, на Немецкое море, на Северную Германию, на Балтийское море и Россию колоссальные глетчеры—ледяные поля.

овсянка.

Они дошли в нашей стране через северные окрестности Казани до Уральского хребта и отдали два языка по Днепру и Дону. В Средней Европе в это время спустились на равнины ледники с Альп, с Пиринеев, с Карпат, с Кавказа, с Исполиновых гор.

Великий холод обнял Европу.

Прошли тысячи лет, и ледники отступили, климат опять стал мягче.

Потом опять надвинулось ледяное море.

Так повторялось несколько раз.

Что же было в те времена с животными в этих местах?

Геолог Дейхлер говорит:

«Никоим образом не следует воображать себе, что земли наши были сплошь покрыты льдом и что все жившие тут чувствительные к холоду животные были принуждены отступить к югу и стесниться около экватора.

Климат был тоже не такой суровый, чтобы препятствовать тропическим птицам жить здесь, по крайней мере, летом. Климат этой области (Германия) соответствовал, вероятно, климату теперешней тундры. Тундра зимой занесена снегом и покинута большинством пернатых, а летом населяется такими нежными птицами, как кукушка, чеканы и др.

Странам с тропическим прежде климатом первую зиму принесла ледниковая эпоха. Млекопитающие этого времени должны были либо приспособиться к новым условиям существования: выработать зимнюю шерсть приучиться к зимней спячке—либо совершенно вымереть. Другое дело—птицы.

ширококлюв.

лысуха.

Способность летать давала им возможность покинуть свою родину, как только тут стало неуютно и начал ощущаться недостаток пищи. Они выселились на юг, где нет зимы. Когда же на севере наступило лето и пришло время гнездования, птицы вернулись на родину.

Так продолжалось из году в год, и в течение долго длившейся ледниковой эпохи птицы настолько привыкли совершать перелеты, что это у них превратилось в безотчетную привычку.

Итак, наступление первой зимы вызвало первый осенний отлет, а тяга на родину—первый весенний прилет.

И третья загадка: как птицы находят верную дорогу при своих перелетах?

На этот вопрос наука еще не нашла ответа.

Особый орган—железа—мог выработаться в теле перелетных птиц за долгие годы, пока складывались их перелеты. Этот орган может выливать в кровь птиц особую жидкость, которая особым образом возбуждает их и заставляет далеко куда-то лететь. Но трудно предположить, что железа дает им и безошибочное «знание» далекой дороги.

С одной стороны, не зрение как будто помогает птицам распознавать дорогу. Самые зоркие глаза ничем не могут помочь недавно вылетевшему из гнезда птенцу узнать дорогу туда, где он никогда не был.

С другой стороны, в туман и очень темные ночи перелетные птицы чаще всего сбиваются с пути. Это говорит за то, что птицам необходимо видеть, куда они летят. Даже почтовый голубь не найдет пути к своей голубятне, если ему завязать глаза.

Надо придумать ряд хитрых опытов, чтобы эту загадку разгадать.

Мы советуем нашим читателям крепко подумать над этим вопросом.

зимородок.

МАЕВКА. *Картина худ. Владимирова.*

ЛЕНИН НА МАЕВКАХ

Из воспоминаний Н. К. Крупской

В связи с 1 Мая вспоминается несколько маевок, в которых принимал участие Владимир Ильич.

Помню маевку в 1899 г. в ссылке, в селе Шушенском. Кроме нас в селе Шушенском жили польский рабочий, с.-д. Проминский с большой семьей, и питерский рабочий, финн Оскар Энберг. Утром пришел к нам Проминский. Он имел сугубо праздничный вид: надел чистый воротничок, и сам весь сиял как медный грош. Мы очень быстро заразились его настроением и втроем пошли к Энбергу, прихватив с собой нашу знаменитую рыжую охотничью собаку Женьку. Женька заразилась нашим настроением и радостно тявкала. Идти надо было вдоль речки Шуши. По реке шел лед. Женька забиралась по пояс в ледяную воду и вызывающе лаяла по адресу мохнатых шушенских сторожевых собак, не решавшихся войти в такую холодную воду. Оскар взволновался нашим приходом. Мы расселись в его комнатушке и принялись дружно петь:

«День настал веселый Мая,
Прочь с дороги, горя тень!
Песнь, раздайся, удалая,
Забастуем в этот день!
Полицейские до поту
Правят подлую работу:
Нас хотят изловить,
За решотку посадить!
Мы плюем на это дело,
Май отпразднуем мы смело,
Вместе разом:
Гоп-га! гоп-га!»

Спели по-русски, спели ту же песню по-польски и решили пойти после обеда отпраздновать Май в поле. Как наметили, так и сделали. В поле нас было больше, уже шесть человек, так как Проминский захватил своих двух сынишек.

Проминский продолжал сиять. Когда вышли в поле, на сухой пригорок, Проминский остановился, вытащил из кармана красный платок, расстелил его на земле и встал на голову. Дети завизжали от восторга. Вечером собрались все у нас и опять пели. Пришли и жена Проминского и девочки Проминского, к хору присоединились моя мать и наша домашняя работница Паша.

А вечером мы с Ильичом как-то никак не могли заснуть: мечтали о мощных рабочих демонстрациях, в которых мы когда-нибудь примем участие.

Помню майскую демонстрацию в Мюнхене в 1902 году. В первый раз социал-демократам было разрешено полицией праздновать 1 Мая: по городу разрешалось лишь пройти, а речи говорить и петь можно было

за городом. Демонстрация была довольно большая, но она не носила никакого внушительного характера. Молча, спешным шагом проходила демонстрация по улицам Мюнхена. Никаких флагов, плакатов не было. Прохожие останавливались и с любопытством смотрели на этих, куда-то спешивших людей. Из карманов у многих торчала редька. Публика запаслась редькой, чтобы всласть поесть ее с пивом в том загородном трактирчике, куда направилась демонстрация. В трактирчик мы не пошли, отстали от демонстрации, а пошли по привычке бродить по улицам Мюнхена, чтобы заглушить чувство разочарования, которое невольно закралось в душу: хотелось принять участие в боевой демонстрации, а не в демонстрации с разрешения полиции.

Ни в Лондоне, ни в Париже нам не пришлось принимать участия в боевых демонстрациях.

★

Помню еще рабочее первомайское собрание в Кракове в 1913 году. Оно происходило на краю города, в так называемом «Звежинце». Толпа была не очень велика, стояла сгрудившись около оратора. На горке был укреплен красный флаг. Преобладали крестьяне из соседних деревень, были рабочие-ремесленники (крупных фабрик в то время в Кракове не было), городская беднота. Толпа напоминала русскую толпу, и потому этот митинг как-то волновал. Выступал Дашинский. Из его речи мне запомнилось его антирелигиозное выступление. Он говорил, как католическая церковь дурачит рабочих и особенно влияет на женщин. Весной католики убирают церковь цветами, чем привлекают туда женщину. Выступление не носило классового характера, имело мало отношения к празднику 1 Мая, но все же касалось важного, больного вопроса. Зная, как были опутаны в Галиции в то время рабочие и крестьяне влиянием католической церкви, нельзя было не почувствовать положительного значения этой речи. В ней все же были боевые нотки, хотя и не говорилось о международной борьбе рабочих. Ильичу митинг понравился несмотря на всю его первобытность.

Май 1917 года. Мы приехали еще только что из заграницы. Сотни тысяч рабочих, солдат заливали улицы Петрограда. Я тогда лежала, не могла подняться с постели. Ильич выступал на Охте и Марсовом поле. Первый раз принимал он участие в такой грандиозной демонстрации, демонстрации масс, охваченных революционным настроением. Он вернулся домой глубоко взволнованный. Рассказывал мало, да и трудно ведь словами было передать то, что в тот момент было пережито. Но лицо было взволнованное, изменившееся какое-то. Оно стоит у меня перед глазами.

ИСПАНСКИЕ КОММУНИСТЫ И ДОН КИХОТ

На фотографии — памятник Дон Кихоту Ламанчскому и его оруженосцу Санчо Пансе.

Дон Кихот был храбрый рыцарь и принес клятву защищать угнетенных. На своем боевом коне Россинанте он вступал в бой с великанами, освобождал пленных красавиц, разгонял несметные войска.

Правда, боевой конь был старой клячей, великаны оказывались ветряными мельницами, несметные войска — стадом овец. Да и сам Дон Кихот существовал только в романе испанского писателя Сервантеса, но остался бессмертен как образ благородного неудачника и мечтателя.

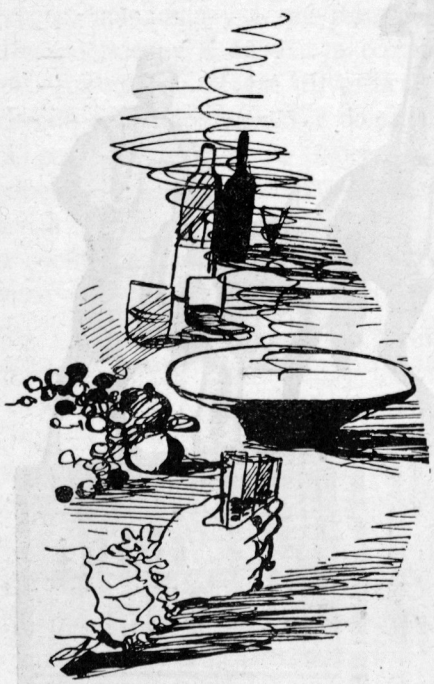
Над приключениями Дон Кихота смеялись и плакали поколения людей, ими зачитываются и сейчас. В Испании ему поставили памятник. Испанские коммунисты заставили Дон Кихота работать на революцию. Они написали на его памятнике: «Голосуйте за коммунистов». Дон Кихота в первый раз за его трехсотлетнюю жизнь по-настоящему заставили вступиться за угнетенных.

Песня четырех ветров

Стихи
Э. Багрицкого.
Рисунки
Г. Берендгофа.

С Карпат на Украину
Пришел солдат небритый,
Его шинель в лохмотьях
И сапоги разбиты.
Пропахший мглой ночлегов
И горечью махорки,
С георгиевской медалью
На рваной гимнастерке
Он встал перед простором
На брошенном погосте.
Четыре ветра кличут
К себе солдата в гости.

Взывает первый ветер:
«В моем краю хоромы,
Еда в стеклянных бочках,
В больших машинах громы,
Горит вино в стаканах,
Клубится пар над блюдом...
Иди! Ты будешь главным
Над подневольным людом!»



Второй взывает ветер:
«В моем краю широком
Взлетели кверху сабли,
Рванулась кровь потоком,
Там рубят и гуляют,
Ночуют под курганом...

Иди ко мне — ты будешь
Свободным атаманом!»

Взывает третий ветер:
«Мой тихий край спокоен,
Моя пшеница зреет,
Мой тучный скот удоен.
Когда закроешь веки,
Жена пойдет за гробом...
Иди ко мне — ты будешь
Достойным хлеборобом».

Кричит четвертый ветер:
«В моем краю пустынном
Одни лишь пули свищут
Над брошенным овином.
Копытом хлеб потоптан,
Нет крова и нет пищи...
Иди ко мне — здесь братья
Освобождают нищих».

Кружат четыре ветра,
Трубят, листву взметают.
Стоит солдат и толком,
Куда пойти, не знает.

Мы потеряли недавно Эдуарда Багрицкого, прекрасного поэта, близкого друга журнала „Пионер“ и его деткоров. Это большая и тяжелая потеря для Советской страны. Багрицкий умер еще молодым, в расцвете своего огромного таланта. Эдуард Георгиевич был очень внимательным учителем молодых поэтов и наших деткоров, пишущих стихи. В № 15 журнала за 1933 г. вы можете прочитать его автобиографию, которую он написал для ребят. Там Эдуард Георгиевич рассказывает, как он начал писать, как должны писать ребята.

„Песня четырех ветров“ взята из его оперы „Дума про Опанаса“. Опера эта переделана из поэмы того же названия.

Вчитайтесь в „Песню четырех ветров“. Эту песню про солдата поет Павла, невеста Опанаса. Солдат пришел с империалистической войны к себе на родину, на Украину. Уже поднялись грозные ветры гражданской войны, и каждый из них зовет к себе солдата.

Куда пойдет солдат?

Напишите в редакцию, как понравились вам эти стихи.

ТИПОГРАФИЯ В ПОДПОЛЬЕ

Очерк Ив. Халтурина. *Рис. В. Цельмера.*

на явочной квартире

Человек с черной бородой ехал в пролетке по московской улице. На углу он дернул извозчика за рукав и сказал: «Стоп!»

Расплатившись он зашел в первый попавшийся магазин, скоро вышел оттуда и направился по улице.

Наконец он нашел нужный дом, поднялся по лестнице и позвонил в квартиру зубного врача.

В приемной нервно ходил пациент, держась рукой за левую щеку.

Человек с черной бородой сел на диван и стал ждать своей очереди.

Наконец он вошел в кабинет врача, плюхнулся в кресло, убедился, что в комнате нет посторонних и сказал:

— Вставьте мне фарфоровый зуб.

Врач не стал осматривать рот пациента.

Задав ему один вопрос, он сказал: «Долгоруковская улица, дом 7, квартира 14».

В тот же день вечером человек с черной бородой был в указанной квартире. Здесь он отыскал нужного человека.

Между ними начался довольно странный разговор:

— Битва русских с кабардинцами...

— Или прекрасная магометанка, умирающая на гробе своего мужа.

— Где читали вы эту книгу?

— Там, где ловят женихов.

— Хорошо ли там жилось?

— Насчет пищи ничего, а спать было холодно.

— Товарищ Марат?

— Он самый. А вы товарищ Семен? Ну сейчас можем говорить вполне серьезно.

— Никитич мне о вас рассказывал. Вы из Баку. Типография там замечательная. Но она далеко. Революция сейчас шагает быстро. Надо здесь, в Москве, устроить подпольную типографию, чтобы во-время откликаться на события дня.

— С Никитичем мы уже советовались об этом. Можно снять большой винный погреб и туда незаметно вкатить вместе с винными бочками типографию.

— План неплох. Но большой магазин потребует больших денег. А с деньгами сейчас трудновато: на другое деньги нужны.

Разговор происходил на явочной квартире большевиков в начале 1905 г.

Один из собеседников был «Марат»—секретарь Московского комитета партии. Другого товарища звали Черным Семеном, паспорт у него был на имя Георгия Лежавы, а был он на самом деле Трифоном Енукидзе.

Перед Черным Семеном стала нелегкая задача. Пословица говорит, что «шила в мешке не утаишь». А тут надо утаить от царской полиции не шило, а целую типографию, да еще в Москве, полицейском центре страны.

Как же устроить, чтобы спрятать машины, шрифт, людей? В комнате нельзя: начнет шуметь типографский станок—не швейная машина, хороший пристав сразу пронюхает, что там погромыхивает.

На чердак сунуть, так это весь дом гудеть будет, и на улице слышно.

А вот закопаться под землю? А ну, начни копать да таскать землю — вот и будешь на заметке: подкоп, скажут.

Действительно, куда в жилой дом с фабрикой сунуться?

торговля кавказскими фруктами

Под крылышком Бутырской тюрьмы приютился магазин кавказских фруктов. В небольшой комнате, в ларях, разложены образцы кавказских товаров: изюм, орехи, курага, шептала. В углу мешок рису, на окне головы кавказского сыра.

Навалившись на прилавок, сидит грузин-хозяин и лениво смотрит на улицу.

За прилавком дверь, она ведет в квартиру хозяина (грузин живет тут же, при магазине). Неходко шла торговля в кавказском магазине. Нечасто колокольчик на двери возвещал о приходе посетителей.

Покупатель забегал случайный. Домашняя хозяйка спрашивает мыла.

Хозяин, не поднимаясь с прилавка, лениво отвечает:

— Здесь кавказский магазин, откуда я возьму тебе мыла? Сыр почем? Не продаем сыру в розницу, оптом торгуем.

Рассеянный запыхавшийся человек спрашивает спички.

— Спичек нет, господин. Разве растут на Кавказе спички?

Нередко в магазин привозили ящики и мешки с разными товарами. Их волокли в подвал, что находился под магазином. Подвал был как коридор, метров пять длиной.

Здесь лежали ящики, мешки, валялся разный упаковочный материал.

Здесь же для сушки подвала был вырыт колодец Вырыл его сам домовладелец и вырыл давно. Магазину это было наруку: ведь кавказские фрукты сырости не любят.

Иногда заходил покупатель серьезный, оптовый Хозяин вежливо говорил ему, что здесь только образцы. И если покупателю очень нравился какой-нибудь то-

вар, хозяин обещал доставить его в нужном количестве через день — два.

Но лицо у грузина после такой торговой сделки не делалось веселее.

— Василий Егорыч, а Василий Егорыч!— говорил он приказчику,—придется тебе на Сухаревку сходить, слышал, что надо? Какой хочешь цена плати, товар в исправности доставить надо.

Тихо и лениво шла жизнь в кавказском магазине. Но это только в верхнем этаже. Другая жизнь шла в подполье. Не в торговле была тут сила. Этим магазином как колпаком покрыта была тайная типография социал-демократов-большевиков.

подземная работа

Магазин еще не открыт, а из комнаты хозяина прошел в лавку молодой грузин. Не говоря ни слова, он открыл люк и по крутой лестнице спустился в подвал, а оттуда в колодец. Колодец был вырыт не напрасно. Все знали, что сушит грузин фрукты в подвале. А фрукты были вот какие.

Каждый день приходили в магазин люди. Подозрений ни у кого не было: на то и магазины, чтобы туда ходили. Люди спускались в колодец и вели ход вбок. Это уже тайком да полегонечку. По очереди рыли круглые сутки, где лопатой, а где и руками. Вот, думалось, проведем коридор, а там целую комнату под землей сделаем. Пошла работа—копай только. Рылись, рылись как кроты. Только разошлись—стоп! Что такое? Стена. Ломай ее! Да чорта с два: бетон застарелый, гранита крепче, хоть порохом рви. Вот тебе и комната. Что теперь делать, какую тут науку подвести? Ни буравом, ни ломом, ни киркой не берет.

Пошли к Никитичу. Никитич — свой человек: и большевик и инженер.

— Силой,— говорит,— не возьмете стену эту, а вот помажьте.

Стали пробовать этой жидкостью умасливать бетонную стену—и вот чудо: сдалась стенка, помягчела, пролезли сквозь стенку, стали комнату рыть.

Землянка вышла небольшая.

Теперь можно и типографию ставить.

А вот где машину достать? Купить ее можно только с разрешения губернатора. Сговорились с одним владельцем типографии в Баку: он выписал машину из Ленинграда, а отсюда частями в посылках переправили ее в кавказский магазин.

А в случае обыск—что ж, пожалуйста!

Подвал — самое ненадежное место. В случае обыска охранники первее всего в подвал бросятся. Ну, в подвале поживиться им нечем: мешки с рисом, ящики

Люди спускались в колодец и вели ход вбок

с сушеными фруктами да веревки разные. А колодец? Все кругом знали: сам домохозяин его выкопал.

А ход вбок? И никакого хода нет. Весь колодец досками обшит, хозяйская работа, чтобы не обсыпалось.

Кому в ум придет, что доски-то подымаются как раз над самым ходом. А ну кто догадается обстукать колодец? Загудит под'емная дверь, будто кто молотком в бочку стукнул.

Под'емная дверь не простая, двойными досками зашита, а между досками земля, не дверь, а ящик, а в ящике грунт. Теперь, пожалуйста, стукай, все в порядке.

комиссионная контора

Смоленский дворянин Алексей Алексеевич Малеванный снял один из подвалов в Кокоревском подворье на Софийской набережной. Здесь он открыл транспортную комиссионную контору. Дела конторы шли как будто неплохо. На другой же день контора перевезла в амбар вагон рису, полученный с Кавказа.

Через несколько дней владелец конторы закупил несколько ящиков тонкой почтовой бумаги большого формата и перевез их тоже на склад.

Скоро из конторы выехал ломовой извозчик. На его телеге лежало несколько мешков с рисом. Извозчик повез товар по адресу: Лесная, 55, «Кавказский магазин Канталадзе».

Здесь приняли товар, расписались в накладной и поволокли мешки с рисом в подвал.

В кавказском магазине давно с нетерпением ждали эту партию товара.

В подвале рис пересыпали в другие мешки. В середине каждого мешка была запрятана бумага.

Рис пошел наверх для торговли, бумага спустилась в колодец для печатной машины.

Через несколько дней другой извозчик остановился у кавказского магазина. Отсюда выгрузили несколько мешков с рисом. На каждом мешке стояла пометка, куда должен быть переслан товар: Саратов, Общество «Надежда» и так далее.

Товар повезли в комиссионную контору. Владелец конторы уже за свой страх купил несколько ящиков гантелей.

Гантели были вынуты и сложены в амбаре. Из мешков с рисом извлекли свеже отпечатанные номера журнала «Рабочий».

Журнал был сложен в порожние ящики из-под гантелей и переправлен на квартиру одного адвоката, как в архив какого-то управления. Отсюда уже номера журнала были распределены по Москве. Гантели были куплены не напрасно: они нужны были как оболочки для бомб; Москва готовилась к вооруженному восстанию.

Дворянин Алексей Алексеевич Малеванный был дворянин фальшивый. Под этим именем склад снял большевик, известный под кличкой «Чорт».

Когда Черный Семен вызвал наборщика Георгия Стуруа, он сказал ему:

— Будешь выходить в месяц полтора раза из помещения, все же время будешь находиться в подвале, и больше никаких.

Стуруа с недоумением спросил:

— Как же можно полтора раза выходить? Я понимаю, что можно выходить один или два раза.

Семен ответил на это:

— Ты в два месяца будешь выходить три раза, для того чтобы попасть в баню, и если три выхода разделить на два месяца, получишь полтора выхода.

Жить в подземелье не пришлось, слишком оно было мало. Наборщики снимали комнаты около подпольной типографии. Приходили они сюда либо с улицы, через магазин, либо со двора, с квартиры хозяина.

Человек спустился в колодец. В темноте он нащупал знакомые доски и приподнял их. Согнулся, нырнул головой в дыру и полез на локтях в пещеру. Товарищ последовал за ним. Но он полез ногами вперед, плотно закрыл лазейку.

Люди оказались отрезанными от всего живого мира. Они зажгли свечку и приступили к работе. Один набирал: он ловко брал буквы из мешочков парусиновой кассы, висевшей на стене[1].

Другой работал в углу, где стояла небольшая типографская машина. Это была американка, на которой обычно печатали бланки учреждений и визитные карточки. Рядом стоял бочонок с типографской краской.

Пещера была маленькая. Люди чуть не стукались головой о потолок.

Сырость и холод заставляли двигаться, а двигаться некуда.

Из угла сделаешь два шага в сторону—наткнешься на стену, два шага вперед — то же.

Вход плотно закрыт, вентиляции никакой. Люди дышат отработанным воздухом. Стеариновые свечки чадят. Электричество провести нельзя: по проводам легко могли обнаружить типографию.

По бокам стояли деревянные подпорки. Легкие перекладины под потолком сделаны больше для того, чтобы не падали на голову комки земли. Потолок держался на честном слове. Тяжесть трехэтажного дома могла всегда продавить пещеру, люди работали под угрозой обвала, как в кустарной каменноугольной шахте.

Обессиленная, с зелеными лицами, одна смена уступала место другой.

Люди сменялись с аккуратностью, как часовые на том боевом посту, куда их поставила партия.

чем интересовался городовой

— Торгуешь мало-мало?—спросил городовой, явно подделываясь под язык хозяина.

Городовой, не спеша, шел по вверенному ему кварталу. У Бутырской тюрьмы он приосанился, поправил свою «селедку» и зашагал по-военному: вдоль кирпичной тюремной стены ходил часовой с винтовкой, а в маленьком доме, напротив, жило начальство—пристав.

День сегодня выдался спокойный: в участке происшествий не предвиделось, и городовой почувствовал, что делать ему нечего.

С важным видом он направился к двухэтажному кирпичному дому. Направо от ворот помещение было занято магазином. Над ним висела невнушительная вывеска: «Оптовая торговля кавказскими фруктами Канталадзе».

Увидав городового, хозяин, не спеша, поднялся из-за прилавка, подал гостю табуретку и стал угощать его грецкими орехами.

— Торгуешь мало-мало?—спросил городовой, явно подделываясь под язык хозяина.

— Какой тут торговля, секим башка скоро будет.

— А приказчика зачем держишь, кормишь, жалованье платишь, а он сидит себе?

---

[1] Позже изобрели место для настоящей типографской кассы: для нее вырыли в стене углубление, откуда ее легко можно было выдвигать.

Городовой, не спеша, шел по вверенному ему кварталу.

Хозяин сердито уставился на приказчика, как будто впервые его увидал, а потом гаркнул: «Чего без дела сидишь! Марш в подвал ящики упаковывать!»

Городового коммерция интересовала больше чем служба, и он не унимался.

— Ну что, это разве вывеска? «Оптовая торговля кавказскими фруктами»,— передразнивал он.

— А окно? К чему тебе окно? Запотело оно к тому же. Нет, ты чучело нарисуй, кавказского человека нарисуй, и чтобы шашлык был, рис был, сыр был.

Угостившись, отведя душу и надавав хозяину кучу советов, городовой возвратился на пост.

«Ленив, ленив грузин,— думал он.— Кабы мне такую лавочку, вот дело было бы... А, может, хитрит. Кто купцовский карман сосчитать может?»

СЛОВО РЕВОЛЮЦИИ

Незаметные работники типографии делали большое дело. Из подземелья кавказского магазина выходили воззвания, огненными словами звавшие рабочих на борьбу с самодержавием.

«...Поднимайтесь, крестьяне! Пора! Городские рабочие зовут вас к бою...

Когда поднимется всероссийское крестьянство и присоединится к городским рабочим, тогда не справиться царским войскам с народной революцией!»

Этот боевой зов партии к крестьянам вышел из недр кавказского магазина, чтобы разлететься по всей стране.

«Только вооруженной рукой, только всенародным вооруженным восстанием сметем мы с лица земли врага.

Да здравствует всенародное вооруженное восстание!»

Этот призыв к борьбе услышали московские рабочие в декабре 1905 г.

И баррикады на улицах Москвы строили не только рабочие-дружинники, их подготовляли и работники кавказского магазина.

Наступили дни, когда в Москве начали открыто выходить большевистские газеты. Захватывались на ночь типографии, и здесь печатались воззвания и листовки.

Тайная типография в 1906 г. была сложена и спрятана в укромном месте. В черные дни 1907 г. эта типография еще раз сослужила службу революции.

про север

Очерк А. Покровской
Рис. П. Кузьмичева

Тундра

В Ледовитом океане даже летом плавают льды.

А по берегу океана тянется далеко, далеко огромное болото—тундра.

Нога немножко провалится в болото, а дальше твердо — мерзлота. Вечная мерзлота, и летом не оттаивает. Деревья не могут расти. Вырастут маленькими кустиками.

Карлики-березки чуть над землей поднимаются как трава. И листочки мелкие, мелкие.

На болоте ягоды растут разные: клюква, морошка, черника, брусника — множество ягод. И мох как зеленый ковер.

Где посуше, там мох белесый, светлый.

Летом на болото прилетают птицы, множество птиц. Зимой и летом бродят по тундре стада оленей.

Олени переходят с места на место, ищут олений мох.

Оленей пасут ненцы. Ненцы переходят за оленями с места на место—кочуют по тундре круглый год, зимой и летом.

Лето

Весь день олени паслись на дальней поляне, а на ночлег вернулись домой, в чум. Чум стоит на сухом холме. Кругом болото.

Чум сделан из жердей, покрыт оленьими шкурами. Это—дом ненца. Чум легко разобрать и перенести на другое место.

Посреди чума, на камнях, горит огонь. Это очаг. В котелке варится похлебка из оленины, в чайнике закипает вода: хозяйка готовит ужин.

Прибежали в чум голенькие ребятишки, присели вокруг очага, ждут похлебки. Притихли.

К ребятишкам присоседился ручной песец—тундровая лисичка. Его держат в чуме на веревочке, чтобы не убежал. Запах похлебки приманил его. Сидит, навострил ушки, поблескивает лукавыми глазками, принюхивается, ждет: не перепадет ли и ему кусочек оленины.

Чу! Зашумело за чумом—пришло стадо.

Вот слышно: кто-то бродит совсем близко около чума.

И вдруг в чум вскочил олень. Молодой олененок.

Он чувствовал себя как дома: сует пушистую морду в чашки, шагает прямо по ребятишкам, тычется головой в хозяйку, запутался рогами в ее малице.

Хозяйка ласково гладит его и сует ему в рот кусок лепешки. Это ее любимец и воспитанник.

Он сирота: олениха-мать пропала, когда он только родился. Хозяйка с руки вскормила его. Он считает себя членом семьи.

А стадо вокруг чума все шумит. Собаки лают. Олени перебегают с места на место, топчутся, выбирают, где лечь. Хозяин-пастух кричит:

— О-ой... О-о-ой... — точно убаюкивает их.

Шум мало-помалу затихает. Стадо улеглось. Поужинав, улеглись и люди в чуме: спит пастух, спит хозяйка, спят дети и олененок, заснул песец, заснули олени, заснули, наконец, и собаки.

Только солнце не хочет спать.

На часок спряталось оно в море, но не успело еще вокруг стемнеть, как оно уже показалось опять, и все осветилось золотистым, розовым светом.

Песня самоедских детей ПРО ОЛЕНЯ

— Милый мой олень,
Любимый мой олень,
Серенький мой,
Быстроногий мой!
Куда ты ходил, серенький мой?
Где ты бродил, быстроногий мой?

— Я ходил далеко, далеко,
На тундре, на горах,
Я бродил по травянистым лугам.
— Милый мой оленек,
Серенький мой оленек,
Что же ты искал там?
— Там я искал вкусный мох,
Еще искал на лугах сладкую травку.
— Милый мой оленек,
Серенький мой оленек,
Как же ты не боялся?
Там серые волки ходят,
Тебя с'едят.
— Куда же я денусь?
Я хочу есть.
— Милый мой оленек,
Серенький мой!
Ходить-то ходи,
Только будь осторожен.
Поди, погуляй по зеленой траве,
Поешь свежего мху,
Только долго не ходи,
Приходи домой.
Милый мой оленек,
Серенький мой,
Быстроногий мой!

Птицы

Еще ночь, а болотные жители уже проснулись.

«Кура, кура, кура...»—
закуракала белая куропатка.

«Тюли, тюли, тюли...» —
закричали кулички-тюлисеи.

Длиннохвостый поморник взметнулся кверху:

«Курав! Курав!»

Кого же он испугался? Может быть, совы?

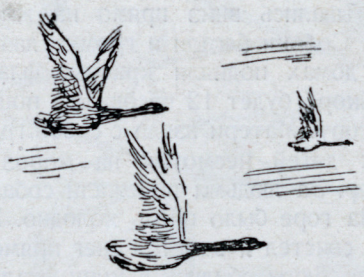
Сова низко пролетела над болотом, бесшумно взмахнув белыми крыльями, и грузно села на высокую кочку сторожить пеструшек— полярных мышей.

А пеструшки выглядывают из своих норок и пищат от страха. Серый чирок с размаха бухнулся в воду:

«Трррр... Трррр... Трррр...»

А гуси словно сошли с ума. Они целыми стаями летают туда и сюда, туда и сюда и пронзительно кричат:

«Тиги, тиги, тиги, тиги...
Го-го, го-го, го-го, го-го...»



Зимой

Стихли крики и песни на болоте. Улетели птицы.

Только ветер воет над тундрой, холодный северный ветер.

Со свистом и ревом бросает он снежные вихри.

А солнце всходит все ниже. Длинней да длинней темные ночи. А вот раз солнце совсем не взошло. Днем стало темно как ночью. Пришла полярная зима.

Олени разгребают копытами снег, добывают мох. Пеструшки — полярные мыши — попрятались в глубокие норки. Голодная белая сова притаилась в камнях.

Из чума выбежал мальчик. На нем надет теплый белый совик. Ему семь лет. Зовут его Савва. Он соскучился сидеть в дымном чуме. Надел свои лыжи и помчался по снежной равнине. Холодный ветер свистит в уши и засыпает лицо колючей снежной пылью. Но Савва не боится ветра, ему весело и привольно.

И вот он запел песню. Слова песни сами пришли к нему.

ЗИМОЙ

Зимней порой
Везде пусто,
Везде белое поле.
Куда ни взгляну,—
Только снег белеет.
На озеро взгляну,—
Только лед синеет.
На гору взгляну,—
Только камни чернеют,
На море взгляну,—
Только льды торчат.
Милая тундра!

Без солнца

Больше месяца прошло, как скрылось солнце. Больше месяца тянется полярная ночь. Все темно да темно. Нельзя даже бегать на лыжах. И собаки спят все время, зарывшись в снег.

В чуме дымно и тесно. Ребята побледнели, похудели, стали вялые, сонные. По целым дням сидят вокруг огня. Бабушка шьет из оленьих шкур теплые мягкие пимы.

— Бабушка, расскажи сказку.

— Ладно,—говорит бабушка,—и начинает рассказывать сказку:

ПРО СОВУ

Кто живет у нас на горе?
На горе живет сова.
На камнях она сидит,
Точно столбик стоит.
— Совушка, совушка,
Почему ты на одном месте
сидишь?
— Я стерегу мышек из
норки.
Выйдут мышки из норки
Я их издалека увижу,
Полечу и—цап когтями!
— А куда ты их денешь?
— Я их с'ем.
— А почему маленьких
обижаешь?
— Мне больших ловить
трудно.
Чем же мне кормиться?

Ночной свет

Серебристый луч вспыхнул на небе и стал развертываться разноцветной лентой.

Заискрился снег. Кругом стало светло, ярко точно иллюминация. Все дети выбежали из чума.

Савва запел. Слова песни сами шли к нему. Он пел про северное сияние.

НОЧНОЙ СВЕТ

На небе сверкает
Красная полоска,
Синяя полоска,
Черная полоска.
Лучи заиграли
Яркими копьями,
Яркими шильями.
Как оленье стадо
Испугались и забегали
Белая полоска,
Красная полоска,
Черная полоска.

ВСТРЕЧА СОЛНЦА

Кончился ноябрь, прошел декабрь, наступил январь. К концу января на небе снова покажется солнце. В поселке на Новой Земле самоеды уже ждут этого дня. Всем не терпится. Больше всех волнуются дети. Каждый день, в 12 часов, они убегают из школы. Они бегут прямо на горы. С горы лучше видно. Дети хотят первыми увидеть солнце.

С каждым днем ярче разгорается заря на небе.

С каждым днем делается светлее.

Наконец прошел последний день.

Завтра покажется солнце.

Дети боялись, вдруг тучи закроют небо.

С вечера зарядили старую пушку, приготовили флаги.

Один старик не спал всю ночь, все ходил на гору, смотрел, нет ли туч.

Вот пришло утро. Небо было чистое. Все обрадовались. Дети носились с сугроба на сугроб, кувыркались в снегу. Залезали на крыши и скатывались вниз прямо на животах. Собаки бегали и громко лаяли. На домах подняли красные флаги.

Скоро будет 12 часов. Все пошли на гору. Матери взяли с собой грудных детей несмотря на мороз и ветер. За людьми побежали собаки.

На горе было очень холодно. Ветер свистел и взметал снег прямо в лицо. Люди сбились в кучу, жались друг к другу, чтобы согреться.

Все смотрели на море. А над морем разгоралась заря: розовая, красная. Заря разгоралась все ярче и ярче. Вот брызнули лучи.

Золотой краешек солнца засверкал над морем, засверкал и ослепил всех.

— Солнышко, солнышко!— кричали дети.

«Бах!»—выстрелила пушка.

«Тра-та-та!.. Тра-та-та!..»—грянул ружейный залп.

А солнечные лучи обливали золотым светом и людей, и собак, и горы, и камни, и снег, и море.

Люди обнимали друг друга, смеялись, хлопали в ладоши.

Матери протягивали к солнцу маленьких детей, а дети постарше кричали и прыгали в золотом солнечном свете.

1 МАЯ

Солнце уже высоко поднимается на небе. Ночи все короче да короче. Скоро их совсем не будет. Под лучами солнца снега заблестят так, что больно будет глазам.

Новоземельские ребята слушают радио.

Москва говорит.

Московские ребята говорят: «Привет детям СССР!»

В Москве тепло. На бульварах зеленеет трава, расцвели одуванчики, зацвели деревья. Ребята в майках и трусиках. На улицах сегодня тысячи, десятки тысяч ребят.

А на Новой Земле, в самом большом поселке —Малых Карманулах, где единственная на всю Новую Землю школа, всего населения 80 человек.

Ребят совсем мало. Но они тоже празднуют Первое мая.

Мороз больше 30°. Жесткий ветер валит с ног, рвет платье, вырывает флаги из рук, бросает в лица колючий снег.

Мороз забирается в белые совики, под меховые капюшоны, щиплет руки сквозь рукавицы, в оленьих пимах стынут ноги.

Собаки не понимают, зачем собрались, куда идут люди в такую непогодь. С беспокойным лаем они присоединяются к шествию.

Демонстрация кончилась. Скорее греться. Ребята забрались в теплую школу. Им хочется рассказать далеким товарищам в СССР, где теперь весна и цветы, как они на краю земли, среди снега и льда, праздновали Первое мая.

И вот мальчик Выдка пишет письмо:

«Дорогие товарищи!

Мы начали готовиться к празднику за неделю.

Взрослых промышленников собрали и вместе с ними пошли по становищу.

Сорвалось у нас знамя.

У нас было знамя сделано из бумаги. У нас был свой плакат. У промышленников тоже свой.

Мы пошли до последнего дома.

Председатель говорил речь, мы кричали «ура».

Было холодно. Скорее пошли в школу. Промышленники тоже домой побежали.

В школе говорили учитель и председатель. Мы играли и пели».

первая песня воды

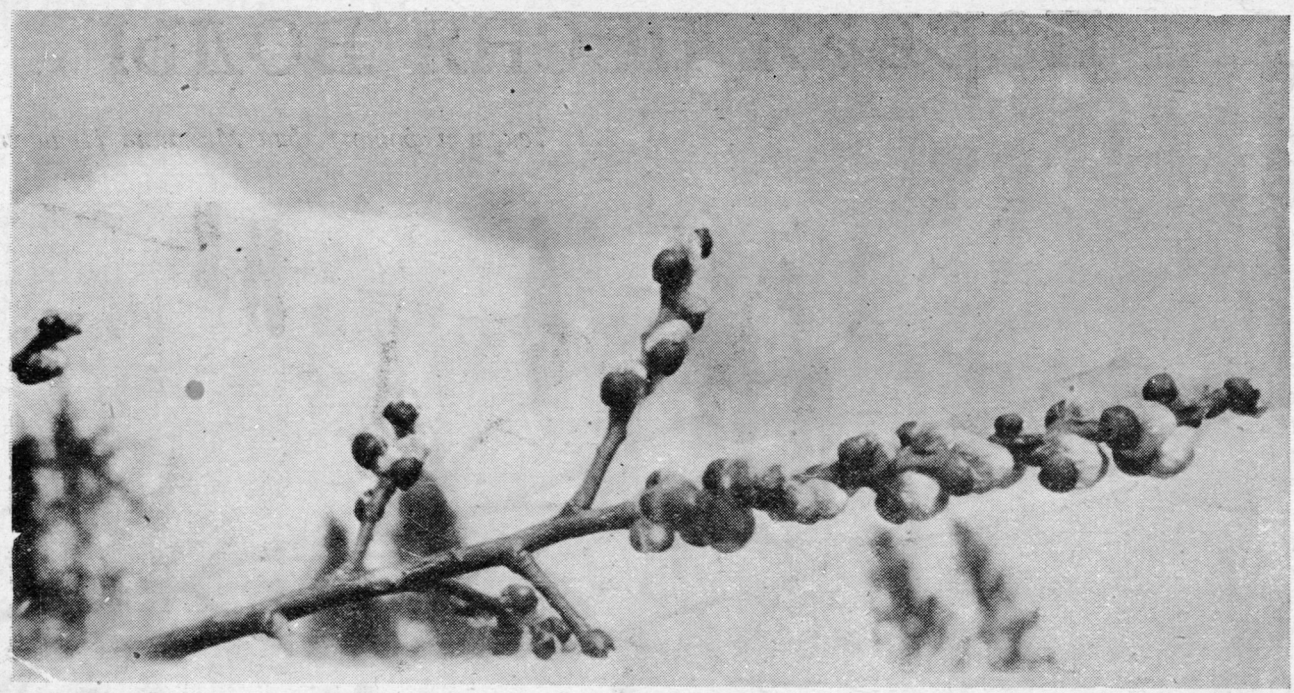
Текст и фотографии Михаила Пришвина

еще в полях белеет снег, но уже цветет ольха, ее золотые сережки в это время лучше всего.

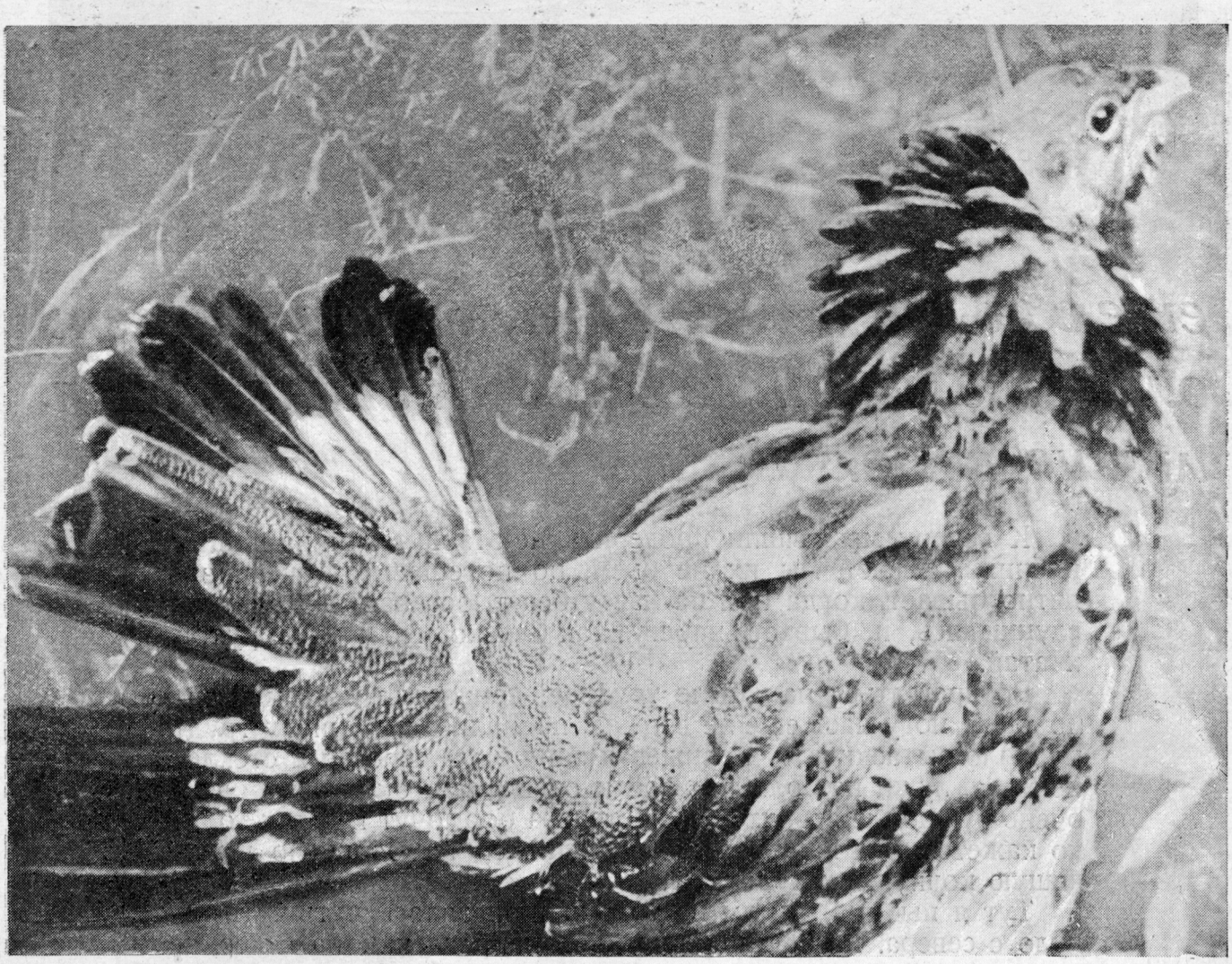
К вечеру мы вышли проверить, не отзовутся ли на пищик рябчики. Весной мы их не бьем, но потешаемся: очень занятно бывает, когда они по насту бегут, останавливаясь, прислушиваясь, и, бывает, набегут так близко, что чуть не рукой хватай.

Возвращаться нам было труднее: прихватил вечерний заморозок, ногу наст еще не держал, проваливался, и ногу трудно было вытаскивать. Оранжевая заря была строгая и стекленеющая, лужи на болотах горели от нее как окна. Нам было очень нужно узнать, что это: тетерева бормочут или так только кажется. Мы все трое взгромоздились на большую вытаявшую кочку, прислушались.

Тут я пыхнул дымом из трубки, и оказалось, чуть-чуть тянуло с севера. Мы стали слушать в направлении на север, и вдруг сразу все поняли: это внизу, совсем близко от нас, переливалась вода, напирая на мостик, и пела совершенно как тетерев.



прекрасна веточка ранней ивы ранней весной.



токующий глухарь.

Синие звезды

(Продолжение)

Повесть А. Гайдара *Рис. Ф. Полищук*

Кирюшка был мастер. Он достал стамеску, ножик и принялся выстругивать водяную мельницу-вертушку. Мельница вышла что надо.

Он замел веником щепки, стружки и через дверку коровника, через вишневый сад, мимо старой бани, сквозь дыру забора выбрался к овражку, по которому протекал уже знакомый ему ручей.

Весело закрутилась и загудела кирюшкина мельница. А Кирюшка-мельник притащил доску и стал налаживать плотину.

Скоро у него захолодали руки. Он натаскал сухих щепочек, немножко соломы, огляделся, достал спички и вздул костер.

Никогда раньше в городе не приходилось ему вздувать костер, и теперь Кирюшка рад был безмерно.

То он грел руки, то поправлял мельницу, то укреплял плотину, то рыскал, подбирая топливо.

Но вот костер зачадил, затих и затух. Бросившись на колени, Кирюшка изо всех сил принялся дуть на оставшиеся угольки. Лицо его разгорелось, и рот был полон дыма, когда костер затрещал и пламя вспыхнуло снова. Кирюшка поднялся, протирая обкуренные дымом мокрые глаза. Тер он долго, и когда, наконец, глаза открылись, он увидел, что наверху овражка, рядом с дырой в заборе сада, стоит все тот же Фигуран и смотрит вниз на кирюшкину работу.

Фигуран постоял, ничего не сказал и юркнул в дыру калюкинского сада.

— Чорт его туда понес! — выругался испуганный Кирюшка. — Уж, конечно, ябедничать за костер побежал. То-то теперь Калюкиха ругаться будет. Да и Матвей опять рассердится.

Он затоптал костер, двинул ногой плотину так здорово, что с шумом рванувшаяся вода свалила мельницу и бурливый ручей, покачивая на гребнях пены, унес ее навеки от печального Кирюшки в неведомые реки и моря.

Вернулся домой Кирюшка нескоро — все боялся, как бы не заругали. Вошел он потихоньку и очень обрадовался, что ни самого Калюкина, ни Матвея не было дома.

Но Калюкиха спросила его, не промочил ли он ноги и не хочет ли хлеба с молоком. И это показалось Кирюшке странным, потому что никогда не бывает так, чтобы сначала давали поесть, а ругаться начинали потом, а всегда сначала отругают, а потом уже дают поесть.

«Значит, Фигуран не нажаловался. Молодец Фигуран!»—похвалил Кирюшка, позабыв о том, что только недавно он и сам наябедничал на Фигурана Калюкихе.

Было уже совсем темно. Мужики еще не приходили.

Вдруг черная собака во дворе громко зарычала и зазвенела цепью.

— Это кого еще несет?—с неудовольствием спросила прилегшая отдохнуть Калюкиха.

Собака залаяла еще громче, но с улицы в окошко никто не стучал и хозяев не вызывали.

— Кого еще принесло? — уже с тревогой пробормотала Калюкиха, соскакивая с постели и торопливо распахивая окошко во двор.

Наверху овражка стоял Фигуран и смотрел вниз на Кирюшку.

Во дворе, заливаясь озлобленным лаем, черная собака яростно рвалась с цепи, но не к улице, не к калитке, а в сторону темного сада.

Калюкиха прикрикнула на собаку и захлопнула окошко.

— Зря брешет, должно быть, чужой пес в сад забежал. Летом, тогда мальчишки за вишнями лазят. А сейчас кому там надо?

Собака притихла. Калюкиха улеглась. Кирюшка спрятался на свое место, за печку.

Вскоре пришли Матвей и Калюкин.

Калюкин был веселее чем за обедом.

— Все цело, — рассказывал он, — даже два порожних мешка в прибытке. Я эти мешки от грязи вымыл и высушил. Мешки крепкие, новые. Не иначе, как тоже где-либо сворованы.

— Воры-то не на примете? — спросил Матвей. — У меня на заводе папиросный окурок не пропадал. А тут... Нака—бумажник сперли!

— Вот народ! Вот народишко!—рассердился Калюкин.—У своих прут, у чужих воруют. А не думаю я на наших... Обязательно это кто-либо из городских.

— Из каких городских?—не понял Матвей.—Городских-то у вас на селе, кроме нас, много ли?

— Что ты... Что вы!—смутился и обиделся Калюкин.—Разве я про таких? Я про тех, что когда стали у нас с трудоднями нажимать: кто, мол, не работает, тому и нет ничего,—так мало ли думаешь лодырей в город утекло. А в городе—сам знаешь... Туда он сунется, сюда. Там паек урвет, там спецовку, здесь зада-

ток. А вот нынче, когда стали заводить паспорта, то и спрашивают: «Где работаешь? Сколько работаешь? Ах, и там и тут без году неделю». Да как турнут их всех обратно, по домам. Москва, говорят, хотя город и богатый, а дармоедов крепко не любит... Разбуди-ка ты меня, Маша, пораньше,—попросил он Калюкиху.— Мне завтра опять в Каштымово. Там хлопот, надо думать, на целую неделю. А дорога плохая. Сегодня у Куракинской рощи два ящика чуть в ручей не угодили.

— Сулин когда вернется?—спросил Матвей.—Мне без него несруки. Вы бы его поскорей оттуда.

— Нельзя поскорей. Он человек хитрый, напористый,—быстро раздевшись и шмыгнув под одеяло, ответил Калюкин.—Дня через три, надо думать, вернется.

И Калюкин проворно повернулся к стене, укрылся с головой и почти тотчас же захрапел.

В избу с корзиной вошел дед Пантелей.

— Спит, что ли?—спросил он, кивая бородой на Калюкина.—Ну пускай спит. Корзину я оставлю. Встанет, пусть посмотрит, такая ли. А то наплетешь, ан и задаром.

— Отдохни,—предложил Матвей,— садись, старик. Куда торопишься?

— Мне не время,—присаживаясь на лавку, ответил дед Пантелей.—Мне на караул идти. Ночью я керосин караулю. Паек мне за это, тридцать пять рублей да зимой тулуп с валенками. Посидишь в избушке, выйдешь—хорошо, тихо. Обошел—опять в избушку. Керосин—не хлеб: тут воров бояться нечего. Как затарахтят колеса, выйдешь к подводчикам: «Эй, ребята!.. Гляди, с куревом потише!» Те, конечно, цыгарки в рукав, коней кнутом. А там кури в поле, сколько душе мило. Я и сам раньше потихоньку этим делом баловался. Да как-то старуха табак нашла, чуть из хаты не выгнала. Крепко сердитая она в тот год ходила.

Дед Пантелей тихо рассмеялся и поднялся с лавки.

— А в нынешнем году подобрела она, что ли? — спросил улыбнувшийся Матвей.

— Как не подобреть? И теперь год, да, гляди, не тот. На сытой жизни всяк подобреет. Хлеба заработали — свинью завели, козу. Старуха — а восемнадцать трудодней заработала. Жизнь теперь у нас кругом тихая, мирная.

— А замок у амбара отбили!.. Это что же, мирная?

— Что замок, — не задумываясь, ответил дед Пантелей,—так это, озорство. Должно быть, парни спьяну покуражились. Кабы теперь голод! А то давай, работай — пуза не нарастишь, а сыт, одет будешь. Так спроси, милый человек, про корзины. Я тогда скоренько наплету. Гривен, думаю, по семи положит. Семь на 20—это 14... Да козу продам, да еще как-нибудь—вот тебе и телка. Коза, сколько ее ни корми, все козой останется. А из телки, глядишь, и корова.

— Душевный старик, — сказала Калюкиха, когда дед Пантелей вышел. — Все-то ему хорошо, всему-то радуется. И то сказать, — заваливаясь в постель, добавила она, — работников у них нет: он да старуха. Мы-то еще, может, как-нибудь, а ему, если как бы по-старому, то одна дорога: срубил две клюки, сшил две сумы да и пошел со старухой по миру... Вот чортова девка Любка! — неожиданно рассердилась Калюкиха. — И где-то ее каждый вечер носит?

— Дело молодое, пусть гуляет,—снимая сапог, об'яснил Матвей.

— Замуж, боюсь, не выскочила бы, — помолчав немного, ответила Калюкиха.

— Ну и пусть выходит. Тебе-то что?

— Жалко, — созналась Калюкиха. — Кабы за хорошего человека, это еще туда-сюда. А то, ведь, сама атаманка да приведет еще, как это говорится, с черного крыльца веселого молодца! Куда я тогда с ними, с такими, денусь?

— Она девка толковая, — успокоил Матвей. И, раздумав ложиться, он опять обулся.

— Это что и говорить, — согласилась довольная Калюкиха. — Девка — огонь... Умница. На скотном дворе у нас — первая ударница.

Спать Матвею не хотелось никак. Он вышел на улицу и пошел наугад.

Кое-где еще в окнах блестели огоньки. Где-то очень далеко играла гармошка. Лаяли собаки. А черное небо сверкало неисчислимым множеством удивительно ясных звезд.

Постепенно непонятное и беспокойное чувство глубже и крепче охватывало Матвея. Он растерянно высморкался, но это не помогло. Тогда он закурил, откашлялся, сплюнул, но и это не помогло тоже.

— С чего бы так? — удивился Матвей и, внимательно осматриваясь по сторонам, пошел дальше.

У пригорка, где чернели две корявых березы, он остановился. Гармоника играла тише. Собаки лаяли глуше. И только небо горело звездами все так же ярко.

Только тут Матвей вспомнил, что много лет назад так же вот, при звездах, но и при винтовке, настороженно оглядываясь, шел он в разведку по чужому, незнакомому селу.

«Чорт-те что! А ведь долго просидел я в городе, — понял Матвей. — А в городе из-за фонарей звезды плохо видны».

Он зашагал дальше. Беспокойство прошло, но что-то осталось.

Матвей вышел на улицу и пошел наугад.

И через минуту Матвей уже думал о том, что завтра же надо поговорить с председателем колхоза, который с тех пор, как сдохла у него корова, нето ослеп, нето сдурел, а только плохо что-то смотрит он по сторонам.

★

Когда Киркшка продрал глаза, то увидел, что на столе лежит картофельная лепешка, коровий студень

и печеная репа. Все это очень понравилось Кирюшке.

Поэтому он быстренько оделся, умылся и сел на лавку. Тут в окошко стукнула какая-то баба. Калюкиха отворила фортку. Что-то ей там сказали, и Калюкиха, накинув платок, кликнула Кирюшке, чтобы он подождал Любку, а сама пошла к соседке.

И это Кирюшке понравилось еще больше.

Для начала он решил с'есть лепешку, потом репу, а самый вкусный студень оставить напоследок.

Он сидел перед столом, спиной к двери, и уже доканчивал лепешку, как в сенях послышались шаги.

«Любка идет»,—подумал Кирюшка.

Он торопливо проглотил последний кусок и решил, перескочив через репу, приняться сразу же за студень, так как знал, что эта Любка и сама поесть не дура.

Рассказывал Кирюшка горячо, но бестолково.

Он потянулся к миске, выбирая кусок получше. Выбрал, торопливо поддел ножом и потащил. Но трясущийся кусок как нарочно хлюпко шлепнулся на середину стола. Кирюшка виновато улыбнулся и увидел, что никакой Любки нет, а прямо у порога стоит и смотрит на него Фигуран.

И это уже совсем не понравилось Кирюшке.

— Тебе чего? — грозно крикнул испугавшийся Кирюшка, вообразив, что Фигуран нарочно прятался всю ночь в саду, поджидая, пока он, Кирюшка, останется один.

— Деньги подавай, — спокойно ответил Фигуран.

— Какие деньги? — с дрожью переспросил Кирюшка, решив, что этот проклятый Фигуран уже как-то успел разузнать про ту самую пятерку, которую подарила Кирюшке на дорогу мать.

— Четыре с полтиной за сапоги, вот какие,—невозмутимо продолжал Фигуран. — А то дед пьяный лежит, скажи, говорит, коли тебе не отдадут, то сам приду.

— Нету хозяев, — важно ответил успокоенный Кирюшка и потянулся к упавшему куску студня.

— А коли не ты хозяин, так зачем же орешь? Чего тебе да чего? Ладно, я подожду,—добавил Фигуран и сел за стол напротив Кирюшки.

Кирюшка отложил студень и молча принялся за репу. Фигуран тоже замолчал, и занятому едой Кирюшке не было заметно, с каким аппетитом посматривал Фигуран на богатый кирюшкин завтрак.

Вдруг Фигуран облокотился на стол и, глядя куда-то вкось—на вешалку, что ли,—равнодушно сказал:

— А здорово ты тогда палкой Степашку свистнул. Уж он выл, выл. Да еще отец ему тычка дал. Вы, говорит, разбойники, все окна мне булыжниками повышибаете.

Кусок студня так и задрожал в кирюшкиной руке. Недоверчиво, но радостно посмотрел он на Фигурана. Не врет ли? Но, повидимому, Фигуран не врал.

— Так это... это разве был Степашка?—взволнованно и почти заискивающе спросил Кирюшка у Фигурана, который вдруг показался ему очень хорошим человеком на этом свете.

— А то кто же? — все так же бесстрастно продолжал Фигуран, лениво поднимая со стола кусочек студня и рассеянно запихивая его в рот.— Он самый и был. Он в тебя глиной — раз, раз.., а ты как свистнул палкой, так прямо ему по шее. Сам приходил, жаловался: «Ох,—говорит,—и здорово!..»—Фигуран улыбнулся, подобрал еще крошку и насмешливо посоветовал:

— А ты его не бойся. Он и сам тебя боится.

— Я и не боюсь, — твердо ответил Кирюшка. И запнувшись он предложил:

— Если хочешь, ты тоже ешь студень. Мы немножко сами поедим, немножко и Любке оставим.

— И то разве с'есть?—согласился Фигуран и жадно хапнул кусок пожирней и побольше.

Но Кирюшке теперь было все равно. Гордый своей неожиданной победой над Степашкой, он подобрел, заулыбался и охотно рассказал Фигурану почти всю свою жизнь.

Рассказывал он горячо, но бестолково. То про отца, то про собаку Жарьку, то про свой огромный завод, то про таинственный, темный планетарий, где послушно движутся луна, солнце, кометы и звезды. Потом научил Фигурана, как можно пробраться без билета в кино. Потом рассказал про грозный октябрьский парад, где скакала на конях, гудела на аэропланах и гремела танками могучая Красная армия. А кстати похвалился и тем, что видел он однажды настоящего, живого Ворошилова. И хотя тут Кирюшка приврал немного, потому что видел он Буденного, однако, это уже не так важно, потому что Буденный хотя и не Ворошилов, но все равно... Пусть только попробуют нас тронуть! Он тогда — и Буденный им тоже... Ого-го!

— Студень-то мы весь сожрали, — неожиданно перебил Фигуран. — Вот придет Калюкиха, она теперь задаст.

Раскрасневшийся Кирюшка замолчал. Действительно, ни лепешки, ни репы, ни студня на столе не было.

Он смутился, почувствовал, что нечаянно получилось оно как-то не так. Но горевать было уже поздно. Он сдвинул брови, подумал и вполголоса предложил:

— А ты беги пока, Фигуран, будто ты еще не приходил. А я крошки на пол покидаю и сам пойду на двор играть. Она придет, а я скажу: «Не знаю... Должно быть, это ваша кошка сожрала».

— Кошки такой студень не жрут. Собака, та еще сожрет, а кошкам он ни к чему.

— Вкусный ведь, — недоверчиво возразил Кирюшка. — Там и кожа и мясо.

— Там перцу напихано, чесноку да луку. Разве же это кошачье? Ты уж лучше сиди и не ври, а вон и Калюкиха идет.

Но, к счастью, Калюкиха была чем-то расстроена. Она сердито сунула Фигурану четыре с полтиной, схватила ведро и вышла во двор.

Воспользовавшись этим, Кирюшка кое-как накинул пальтишко и вслед за Фигураном выскочил на улицу. Здесь они оба остановились.

Теперь оставалось или идти вместе или расставаться. Кирюшке хотелось вместе. Фигуран молчал.

Кирюшка сунул в карман руку и нащупал там два куска сахару. Он положил сахар на ладонь и протянул Фигурану, чтобы тот выбрал сам.

Не раздумывая, Фигуран схватил кусок побольше, сунул его за щеку и нахмурился.

— Ты добрый, только ты дурак!—сердито пробормотал он. И не успел еще Кирюшка обидеться, как Фигуран решительно дернул его за рукав.

— Пойдем. Я только забегу, деду деньги отдам. А там прихватим еще кого-нибудь и айда в Чарабаевскую рощу — на льдинах кататься.

Кривыми улочками, через чужие дворы, через разгороженные сады они быстро добежали до того самого домика, возле которого очутился Кирюшка после ночного боя.

— Подожди, — приказал Фигуран. — Я скоренько.

Кирюшка остановился. Теперь он увидел, что изба эта вовсе не такая маленькая, какой показалась ему ночью. Изба была узкая, но длинная, перегороженная на две половины. Окна второй половины были наглухо забиты, а дверь, выходившая к саду, крест-накрест заколочена трухлявыми досками.

Кирюшка постоял, посмотрел на голубей, которые суетливо ворковали у края проломанной крыши. Поймал черную муху, выползшую погреться на солнце. Подразнил прутиком толстого гуся, который важно шел вперевалку как какой-нибудь генерал или царь, а Фигурана все не было.

«И чего копается?»— нетерпеливо подумал Кирюшка.

Он зашел во двор и заглянул в окошко. И тут он увидел вот что: опять как и в прошлый раз лежал на кровати могучий пьяный старик. У изголовья стояла табуретка. На табуретке—стопка, пустая бутылка и огрызок огурца.

Вдруг дверь из сеней отворилась, и очень осторожно вошел Фигуран. Он нес целый огурец и две бутылки: пустую и почти полную. Потихоньку поставил Фигуран на табуретку пустую бутылку, положил рядом огурец, потом отлил немного водки из полной бутылки в пустую, откусил кусок огурца и, заткнув пробкой остаток водки, понес ее обратно.

Ничего не понял из всего этого Кирюшка, но ему показалось, что самое лучшее будет убраться от окошка подальше.

Вскоре выскочил и Фигуран. Молча, но весело махнул он Кирюшке. Опять через мостики, овражки, сады—и ребята остановились перед воротами, за которыми слышалось какое-то похлопывание.

— Погоди! — сказал Фигуран и приткнулся глазом к щелке.

— Ага!.. Тут он. Ну, ладно!..

Лицо Фигурана сразу сделалось серьезным, пожалуй, даже торжественным. Он выставил ногу вперед, поднял голову и громко запел:

Степашка, Степашка,—
проклятый человек!

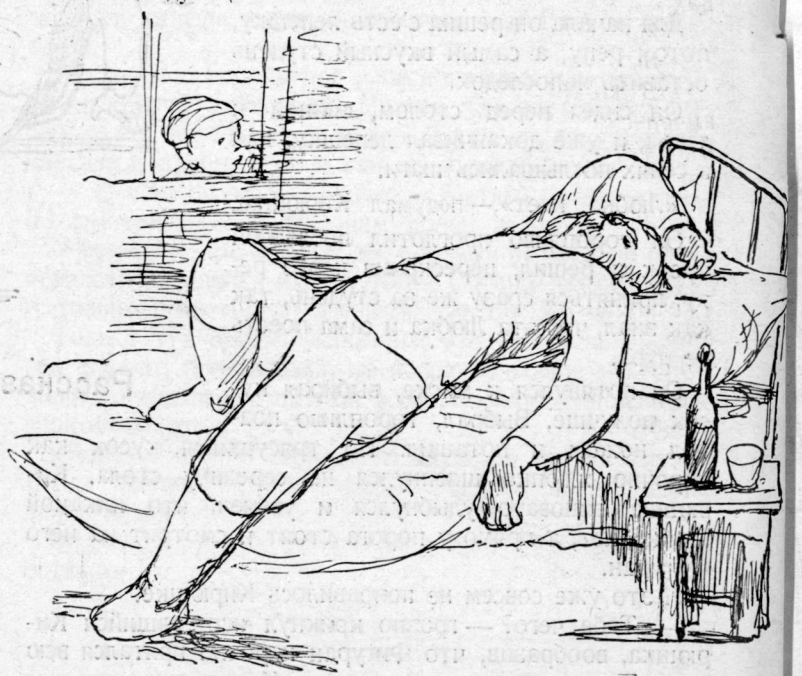
Степашка, Степашка,—
проклятый человек!

Хлопанье во дворе сразу прекратилось. Фигуран замолчал тоже. Кирюшка двинулся было посмотреть в щелку, но Фигуран потихоньку оттолкнул его за уступ.

Во дворе опять захлопали.

— Степашка, Степашка — проклятый человек!.. — снова громко и торжественно запел Фигуран.

— Ну, что тебе? — послышался из-за ворот жалобный и негодующий отклик.



Кирюшка заглянул в окно: на кровати лежал пьяный старик.

Фигуран молчал.

— Ну, что тебе? — завопил из-за ворот тот же голос. И кто-то быстро побежал к калитке.

— Чего дома сидишь? Выдь на минуту, — позвал Фигуран.

За воротами помолчали.

— Выдь, говорю, на минуту. Дело есть.

— Да!.. А ты опять чего-нибудь...

— «Чего опять? Чего, чего?» Чего-нибудь, — передразнил Фигуран. — Выдь, говорю. На бугре ребята дожидаются. Айда в Чарабаевскую рощу — на льдинах кататься.

— Я бы пошел, — высовываясь из калитки, заныл Степашка, — да меня мать перины выбивать заставила.

— А ты залетай в избу да и заори: «Маманька, маманька, я уже все выбил, больше не выбивается». Да что с тобой разговаривать? Не хочешь, и без тебя пойдем.

Но Степашка никуда не стал залетать. Он кинулся во двор, схватил висевшее у крыльца пальтишко, прошмыгнул под окошком, выскочил на улицу и прямо столкнулся с Кирюшкой.

— Стойте! — грозно приказал Фигуран. — Нынче драки не будет. Нынче будет игра.

Кирюшка посмотрел на Степашку, Степашка — на Кирюшку, и оба нахмурились.

Но так как Фигуран уже тронулся, то раздумывать было некогда. И оба они, суровые, непреклонные, гордо понеслись рысью в гору.

По пути встретили какого-то длинноносого Саньку, потом толстого Павлушку, потом еще сразу трех, потом еще сразу четырех. И целой ватагой пронеслись в поле.

(Продолжение читай в № 10)

ЛУЧШИЕ НА КОНКУРСЕ

В редакцию «Пионера» пришла целая стопка тетрадок. Развернули мы, стали читать:

«У вокнах мигаюць апошния будынки. У вагоне идуць жвавые гутарки»С трудом разобрали. Это, оказывается дневники, написанные по-белорусски белорусскими пионерами. Лучшие ударники школ Осиповического района включились в конкурс, об'явленный редакцией журнала «Пионер» в прошлом году, на лучший исследовательский поход. Конкурс мы продолжаем и в этом году. А в этом номере печатаем материал одного из лучших походов, похода пионеров Осиповического района.

Прошли пешком 50 километров, проехали поездом 75 километров и 40 километров—пароходом.

Образцы полезных ископаемых ребята послали в Геологический институт, сведения об источниках и колодцах—в Белорусскую академию наук, анализы почвы и планы участков—райагроному.

Материалы по истории гражданской войны и борьбе с бандитизмом в Белоруссии—в Минск, в истпарт.

Было что порассказать и у себя в школах!

В дневниках расчерчены карты, планы, вклеены фотографии. На первой странице простой школьной тетради вычерчена подробная карта района. Карту изрезала ломаная линия—путь ребят. А дальше в дневниках—рассказ о том, как был проделан этот путь.

Ребята приехали в Лочин. И пока на школьном дворе разбираются сгруженные с телеги вещи, группа ребят уже шагает по дороге в колхоз. Идут прямо в правление.

Гриша Коробейка, бригадир почвоведов, — ростом невелик, но парень бойкий, звонко раздается его голос в избе.

— Где тут председатель, товарищи?

— Вам наше поле? А вот я сам вас сведу.

Прямо по пыльной дороге шагает из Лочина маленький отряд. Поровнялись со школой.

Дальше, дальше по дороге, мимо колхозного гумна, из-за которого торчит силосная башня, мимо колодца-журавля.

Вот перекресток. Председатель говорит:

— Стоп! Приехали. Вот вам и поле, ребята! А я пошел...

Ребята рассыпались по участку. Нагибаются, роют ямки, берут землю. Потом — назад, в школу. Ноги в пыли, руки в земле. На столе появляются пробирки— стеклянные трубочки с какими-то растворами. Ребята похожи на колдунов. Взбалтывают свои снадобья, переливают, отмучивают, пережигают на огне. И результат «колдовства» налицо. Ребята вечером сообщают в колхоз, что участок нуждается в удобрении. А в дневнике появляется план, который мы перепечатали в журнале.

★

На фотографии ребята ковыряются в сырой земле у ручья. Это — бригада геологов под предводительством Игоря Немцова. Ручей перерезал путь ребят по дороге из Погорелого в Каменичи, за селом Казимировым.

По берегам ручья ребята нашли болотную железную руду «иржу», как пишут они по-белорусски в своих дневниках. Геологи сбросили на землю свои мешки, стали копать. Под «иржой» оказался слой серой глины.

В Казимирове у всех хозяек фартуки покрашены в практичный, коричневато-желтый цвет. Геологи узнали, что материю красят какой-то грязью. Эту грязь они тоже нашли у казимировского ручья, она была с примесью красящих веществ.

★

«Гаспадарчая бригада за ачысткою бульбы»,—пишут ребята по-белорусски. Это значит: «Бригада хозяйственников за чисткой картошки».

Вожак бригады—Валя Шевчук. В бригаде расторопные ребята. Раньше всех спешат они попасть в намеченное село, и когда усталые и проголодавшиеся ребята нагрянут следом, уже дымится горячая картошка. Но случались в дороге и конфузы.

Этот план — из дневника почвоведов.

Почвоведы „колдуют“ над пробирками.

У ручья, за Казимировым, нашли „иржу“.

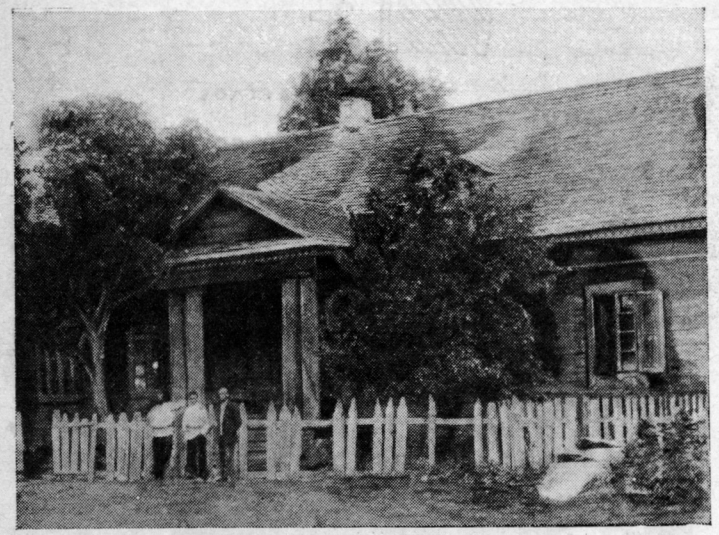
За очисткою бульбы.

16 августа собрались вечером все бригады. В этот день, после трехдневной скуки (лил дождь без перерыва), первый раз выглянуло солнышко. Ребята находились, наработались, устали. Нашли в полях вокруг Яновки глину, песок. Больше всего нашли валунов. Валуны—круглые отшлифованные камни, большие и маленькие. Когда-то, сотни тысяч лет назад, они были принесены на огромных ледниковых полях, которые ползли с далекого севера, и теперь лежат мертвым, ненужным грузом на полях, мешая их обрабатывать. Они годятся на мощение дорог.

Довольные и голодные, ребята вернулись в лагерь. С жадностью набросились на ужин. И... снова нашли валуны. В кастрюлях! В мисках! «Гаспадарчая бригада» подкачала. Не ладилось сегодня дело у Вали Шевчук. Поздно пришла подвода с посудой, с провизией, поздно взялись за стряпню, и картошка оказалась недоваренной, чай заварился плохо.

Проголодавшиеся ребята ели все, но шуткам и подразниваниям не было конца.

★



Татыржу повесили на этом крыльце.

Вот фотография избы. Фотографию сделали ребята. Как будто изба как изба, ничего в ней нет особенного.

А особенно было в 1918 году.

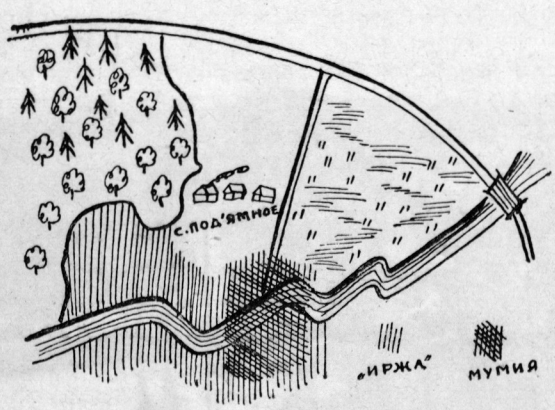
Красный партизан Кедич был председателем совета в Лочине. Однажды зимним утром, он поехал в лес.

Лихое было время! В округе хозяйничала банда Жилина, грабила и убивала тех крестьян, что помогали красным.

Об этом и думал Кедич, пока сани бесшумно скользили среди сумрачных елок. И как бы в ответ своим мыслям он увидел в просветы деревьев группу людей у костра: это были бандиты. Кедич погнал коня в село Через час сотня партизан на конях приехала в Лочин, и Кедич повел их в лес. Но банда скрылась. Бандиты, у которых в селе были глаза и уши, не забыли, что Кедич указывал путь партизанам. Как-то под утро, раздался стук в дверь его избы. Ворвались 15 бандитов, избили всю семью, связали Кедича, потащили к озеру и там его расстреляли.

До 1921 г. бандиты хозяйничали в округе. Председателя погорельского райисполкома т. Татыржу повесили на крыльце исполкомовской избы. Вот почему сняли эту избу ребята. Они собрали все рассказы о бандитах, беседовали для этого с колхозниками, с женой убитого партизана Кедича.

★



План нарисовал Чигалейчик.

Это план нарисовал геолог Лева Чигалейчик.

На раздольных лугах протекает речушка. На берегах этой речушки ребята снова встретились со своей старой знакомой—болотной железной рудой. Но этого мало. Вода речушки странного красноватого цвета. И не зря. На берегу бригада Миши Лапшева нашла ценную цветную глину—мумию. Мумия—темно-красного цвета и идет на краску. Раньше люди не знали других красок, все красили разноцветными глинами. Теперь существуют и другие краски, более яркие, но более дорогие. Их приготовляют искусственно.

Но цветные глины—«земляные» краски—очень нужны и сейчас. Ребята были очень довольны и гордились, что нашли мумию.

ИЛИ СООБЩЕНИЯ ИНЖЕНЕРА ГИДРОЛЮБОВА О ВЕЩАХ МЕЛКИХ И КРУПНЫХ, ВИДИМЫХ И НЕВИДИМЫХ, ОТДАЛЕННЫХ И БЛИЗКИХ, ИЗВЕСТНЫХ И НЕИЗВЕСТНЫХ

Один американский ученый полтора года наблюдал бабочек.

Он перевязывал их лапки тончайшими паутинками, он кормил их жидкой кашей и специально приготовленным лимонадом. Он зажимал их крылья особым держателем, для того чтобы во время опытов бабочки не попортили себе крылышек. После каждого опыта он измерял бабочкам температуру специальным термометром.

Ученый хотел узнать, есть ли у бабочек чувство вкуса и где оно помещается.

Одна бабочка, вечно голодная, сидела у него в банке. Он наблюдал за ней и открыл, что способность ощущать примесь сахара к воде у этой бабочки в 256 раз сильнее чем у человека.

Да, да, именно в 256 раз — ни больше ни меньше. Опыты были поставлены с такой точностью, что в них не могло быть никакой ошибки.

Оказалось, что орган вкуса находится у бабочки в ногах. Бабочка ногой отличает чистую воду от подсахаренной. Она чувствует оттенки вкуса, неуловимые для человеческого языка.

●

Другой ученый открыл, что в Африке живет много бабочек, которые совершенно не чувствуют сладкого вкуса.

Если такую бабочку посадить в блюдечко с сахарной водой, бабочка не станет ее пить, как бы голодна она ни была. Сладкая вода для нее все равно, что простая вода.

Зато она с удовольствием ест все кислое.

Стоит в ту же сахарную воду прибавить несколько капель кислого фруктового сока, как бабочка сейчас же разворачивает свой хоботок и начинает жадно сосать.

Вообще у этой бабочки вкус очень странный: на цветы со сладким соком она никогда не садится, зато ее часто можно видеть сидящей на коре какого-нибудь дерева, через незаметную для глаза трещину бабочка высасывает из дерева горький древесный сок, любит она также сливы и томаты, но больше всего ей нравится красное вино.

Поймать эту бабочку голыми руками почти не-

Цена 25 коп.

14666

возможно. Она летает очень быстро и близко к себе никого не подпускает.

Но если поставить в траве чашку с красным вином, то наша бабочка смело летит к чашке, даже в том случае, если возле чашки сидит человек.

Тогда ее можно брать прямо руками.

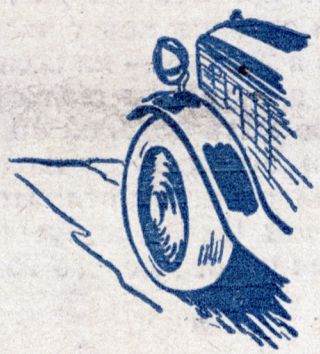
Для того чтобы напиться пьяной, эта бабочка очень часто залетает даже в дома и винные подвалы.

●

Все ли бабочки чувствуют горький вкус? Нет, не все. Ученый Миннич заставлял двух разных бабочек пробовать вкус хины. Одна из них не обнаружила в хине никакого вкуса, но другая, едва опустила лапку в хинный раствор, сейчас же развернула свой хоботок. Это значит, что она ощутила резкий вкус хины, но пить ее она не стала, хотя была очень голодна — целых два дня перед этим она ничего не ела.

ЗОРКИЙ ГЛАЗ

ПЕРЕДНЕЕ КОЛЕСО

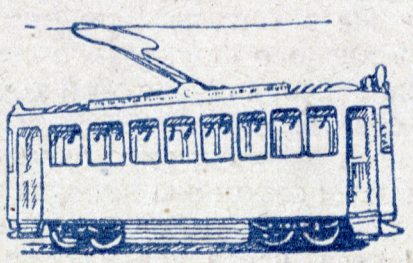


Из колхоза в город пришел автомобиль. За все время пути переднее колесо сделало четыре тысячи оборотов. Через некоторое время автомобиль пошел обратно.

На этот раз он проехал всю дорогу в 2 раза быстрее.

Сколько оборотов сделало переднее колесо на обратном пути?

ТРАМВАЙ



Художник перерисовал с фотографии трамвай.

Через окна трамвая видно, как кожаные поручни, за которые держатся пассажиры, качнулись влево.

Как по этому рисунку узнать: только что тронулся трамвай или же он только что остановился?

ЧТО ЭТО ТАКОЕ, ЕСЛИ в журнале № 7 на стр. 10 сняты пшеница и горох?

Отв. редактор Б. ИВАНТЕР Худ. редактор М. АСКИНАЗИ Издатель: Издательство ЦК ВКП(б) „Правда".

Сдан в набор 21/III—34 г., подписан к печати 3/V—34 г. Изд. № 477. Формат 1½ 62×94 см. 1½ б. л. 135.009 п. зн. в бум. л.